

МАРИНА ИНДИВИ
КСЕНИЯ ЛИТА

ИЗГНАННИЦА
ИСКРА ИМПЕРАТОРА

Марина Индивиди

Изгнанница. Искра императора

«Автор»

2026

Индивиди М.

Изгнанница. Искра императора / М. Индивиди — «Автор», 2026

В мире драконов сила их правителей столь могущественна, что выдержать ее может лишь его личная Искра. Меня готовили к этому с детства, поместив в мое тело частичку его пламени. Теперь я его жена, сосуд для его магии, та, кто способен выдержать его мощь и выносить для него ребенка. Точнее, была женой до тех пор, пока не стало понятно, что родить не получится. Я отправлюсь в изгнание. Хотя я всего лишь закрыла глаза в своем мире, а очнулась в теле этой несчастной девушки. В замке, стоящем высоко в горах, среди снега и льда, нежный цветочек Альви Эттана завяла бы на раз. Вот только я не она, и сдаваться не намерена! Горнолыжный курорт хотите? Устроим! Дорогой супруг, а вы здесь с какой стати нарисовались? Императорам вход воспрещён!

© Индивиди М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Ненужная жена. 1	7
2	9
3	11
4	13
5	15
6	18
7	21
8	24
9	26
10	28
11	30
12	32
13	35
14	37
15	40
Часть 2. Обреченная искра. 1	44
2	46
3	48
4	50
5	53
6	55
7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ксения Лита, Марина Индиви Изгнанница. Искра императора

Пролог

Сквозь шум в ушах доносились голоса, приглушенные, незнакомые.

— Бедняжка... как она будет жить дальше...

— Что же делать-то теперь?

— А это еще ар Эрхольд не знает...

Я попыталась открыть глаза, но веки казались тяжелыми, просто неприподъемными.

— Что ж, я сделал все, что мог. Дальнейшее зависит от воли небес и ее здоровья.

Мужской голос, а он явно принадлежал мужчине, показался надтреснутым, сиплым, словно его обладатель был давно и хронически простужен. Он ввинтился в сознание, как ржавый шуруп, спровоцировав приступ головной боли, от которой даже в закрытых глазах замелькали искры. Да что со мной такое вообще? Что происходит?

Последнее, что я помнила, это как просила Настю подать мне сумку, в ней лежали ампулы антигистаминного и шприцы. Потом наступила темнота, а потом — вот это вот... Что это — вот?

Я в больнице? Но почему тогда все вокруг так странно выражаются?

Я все-таки приоткрыла глаза и обнаружила, что лежу в совершенно незнакомой комнате, меньше всего похожей на больницу. Если, конечно, кто-нибудь не решил бы стилизовать частную клинику под средневековый замок, а точнее, комнату какой-то принцессы. Потому что лежала я на кровати с тяжелым темно-красным балдахином. Столбики, этот самый балдахин удерживающие, возносились ввысь метров на пять. Пять метров! Потолки! Я даже когда останавливалась в «Национале», будучи в командировке, таких потолков не видела.

Помимо кровати с балдахином здесь наблюдались узорчатые арочные окна, одно я увидела, слегка повернув голову, свет из второго лился на двух перешептывающихся девушек в длинных платьях, напоминающих горничных из какого-нибудь викторианского романа. Они стояли ко мне спиной, спиной ко мне развернулся и невысокий пузатый человечек с явно намекающей лысиной. Судя по тому, что он собирал в саквояж — какие-то склянки, пузырьки, и прочее, это был местный лекарь.

Местный?! Где я вообще?

— Где... я... — это был не мой голос. Не мой от слова совсем! Мой всегда звучал низко, даже грубовато, мне даже говорили временами, что я слишком много курю, хотя я никогда в жизни не курила! Просто такая особенность связок. Этот же зазвенел, как ручеек весной или как чириканье подбитой птички, но на это чириканье обернулись все.

И горничные, которые вытаращили глаза так, словно я восстала из мертвых, и лекарь, который сдвинул свои негустые брови, полосками разбросанные над глубоко посаженными глазами.

— Госпожа Альви! Госпожа! — Первой опомнилась одна из девушек и бросилась ко мне, чем повергла меня в еще больший шок.

Какая я им госпожа? Я Аглая Лисовицкая, ведущий менеджер в крупной ивент-компании. Аллергик со стажем, двадцати семи лет от роду (вот все двадцать семь и аллергик), не замужем, детей нет.

— Как вы себя чувствуете? Вам нельзя вставать! — воскликнула девушка, когда я попыталась приподняться. — У вас снова может открыться кровотечение!

— Служанка права. — Надтреснутый голос принадлежал именно лекарю, хотя сейчас и прозвучал надменно и высокомерно-снисходительно. — Вы не далее как неделю назад пережили процедуру магического оплодотворения, которое закончилось неудачей. Теперь вам нужно лежать минимум два дня, если хотите остаться в живых.

Че-го?! Он нес какую-то совершенную околесицу, но в этой околесице была доля правды: мое тело напоминало беспомощный кулек или побитую о камни тряпичную куклу. Даже на одно маленькое усилие, попытку присесть, ушли все силы, и я рухнула на подушки. Это мгновенно аукнулось мне болью в висках и в низу живота, словно раскаленная спираль внутри полыхнула.

Я не сдержала стона, перед глазами все поплыло. И именно этот момент выбрало мироздание, чтобы оглушить меня еще сильнее. Дверь распахнулась, служанки и лекарь синхронично согнулись пополам, как будто у них разом случился принцип аппендицита.

В силу своих ограниченных способностей я могла только слушать, вот я и слушала: тяжелую поступь сильных шагов, пока передо мной, а точнее, перед лекарем, не нарисовался мужчина в пару метров ростом, с военной выправкой и странной, физически осязаемой исходящей от него мощью. На меня он даже не взглянул.

— Что с моим наследником? — жестко спросил он.

На этом сознание меня благополучно оставило, и я провалилась в темноту.

Часть 1. Ненужная жена. 1

Аглая

Следующее пробуждение было слегка получше: мое тело больше не напоминало куклу вуду, которую злобный колдун методично тыкает иголками. По крайней мере, когда я вновь вернулась из царства Морфея, ничего не болело, низ живота не напоминал раскаленный комок, мигрень тоже больше не возвращалась. Это было первое, о чем я подумала, когда снова осознала себя живой. А второе — я сошла с ума.

Потому что когда я открыла глаза, средневековая больница никуда не делась, кровать с балдахином была на месте, я на ней, вся тяжелая мебель того же давящего цвета бордо — кушетка в изножье, кресла, стол на массивной резной ножке, увенчанный четырьмя лапами. Диван, незнакомые мне пейзажи, высоченные потолки и окна... словом, все атрибуты сумасшествия на месте.

Я ущипнула себя за руку, надеясь проснуться, но тщетно. Разве что на тонкой бледной кисти тут же возникло смачное красное пятно. Ай!

На тонкой бледной? Я всегда была смуглой, даже когда не получалось выбраться на пляж и позагорать, а это... что это?! Это не мои руки! Это не мои пальцы! А-а-а-а-а-а!

Отличавшаяся изрядной выдержкой, я не выдала это вслух, зато окончательно подскочила на постели. Подскочила и обнаружила, что в еще одном придвинутом вплотную к кровати кресле спит миловидная блондинка. Закутавшись в тонкую узорчатую шаль, девушка в длинном пудровом платье, украшенном кружевами, спокойненько себе сопела в две дырки!

В отличие от меня. Я спустила ноги с высоченной кровати: правда высоченной, пятки даже не коснулись пола, пришлось прыгивать. Босые ступни тут же утонули в густом ковре с ворсом, который кончался примерно там же, где и изножье кровати. Полы тут были просто ледяные, но я все равно метнулась к большому напольному зеркалу, которое заметила у дальней стены.

— О... о... — В ответ на мое «о» отражение округлило ротик.

Мягкие пухлые губы. Голубые глаза. Овальное личико, как у куколки, длинные, до талии, густые волосы: каштановые, с красноватым отливом. Этой девочке было от силы лет девятнадцать! Невысокая, нежная, хрупкая, как тростиночка, в белой сорочке до пят, с тонкой светлой кожей.

Я закрыла руками рот. Отражение повторило все один в один, голубые глаза расширились.

Я убрала руки, и девушка в зеркале сделала все то же самое.

Зря!

— А-а-а-а-а-а! — все-таки закричала я.

— А-а-а-а-а-а! — донеслось из-за спины. Что-то скрежетнуло по полу, я обернулась.

Блондинка смотрела на меня с вытаращенными глазами, с такими же вытаращенными, как мои. Если бы только это... они еще были подозрительно похожи на мои, такие же небесно-голубые. Мы что...

— Сестра! — взвизгнула девушка. — Сестра, ты очнулась! Слава небесам! Я так волновалась!

Она подлетела ко мне быстрее молнии, обхватила руками, грозя задушить в объятиях. Правда, в следующий момент уже отстранилась:

— Ой! Тебе наверное больно! Прости!

Мне не больно, я с ума сошла. Киса ку-ку.

Нет, тот факт, что я умерла от анафилактического шока и попала... куда? Я еще могла принять. Но то, что я тут хожу, двигаюсь и говорю, совсем как живая...

— Вернись в постель, немедленно! — тут же напустила на себя строгий вид девушка. — И, пожалуйста, больше так не вскакивай! Для тебя это может плохо закончиться!

Да-да, магическое оплодотворение, которое уже плохо закончилось. Это мне подсказала память. Больше она мне пока ничего не подсказывала. Хотя нет. Еще она подсказала мне мужской образ: тот, что я успела мельком выхватить перед тем, как потеряла сознание в этой самой комнате. Высоченный мужчина с волосами цвета... да вот в точности того же цвета, что у меня: как древесная кора с алыми всполохами. Широкоплечий, в военной форме, который спрашивал про своего наследника.

Дабы не вызывать лишних вопросов, не сболтнуть лишнего и не попасть в местную психбольницу (если они тут имеются), я послушно направились к кровати, забралась под одеяло.

— Вот так, — сестра этой куколки, в теле которой я сейчас находилась, заботливо подоткнула мне одеяло. Потом тяжело вздохнула и опустилась в кресло. — Хочешь чего-нибудь? Чего угодно! Я распоряжусь, чтобы нам принесли.

Хочу понять, что происходит!

Но, прежде чем я успела открыть рот, та уже снова зашебетала:

— Когда придет ар Эрхольд, веди себя потише. Ничего не говори, чтобы он тебе ни высказывал, он в своем праве, и, возможно, тогда...

— Ар Эрхольд?

Сестра усталилась на меня. Я на нее.

— Ар Натаниэль Эрхольд. Император Вейсмейстрии. Твой супруг. Ты что, забыла?

Император? Ладно, предположим, я умудрилась выйти замуж за императора. Точнее, не я, а вот эта куколка, как там ее зовут? Точно, Альви! Зато в таком контексте понятно, почему ко мне обращались с приставкой «госпожа».

— Разыграть меня решила, что ли? — обиженно пробормотала блондинка. — Ты еще скажи, что меня, родную сестру, не помнишь!

Не просто не помню, я тебя не знаю...

Мысль оборвалась яркой картинкой в сознании: вот мы бежим детьми по саду, светловолосая девочка взлетает на мостик, протянувшийся через небольшой водный канал, а я кричу:

— Анаста! Анаста, стой!

— Уже и пошутить нельзя, Анаста, — хмыкнула я, заворачиваясь в одеяло.

— Раньше за тобой таких шуток не водилось, — недовольно пробурчала та.

Откровенничать с ней почему-то не хотелось, поэтому я только пожала плечами и откинулась на подушки. Так, значит, я замужем за императором. Облажалась с магическим оплодотворением. Что еще? Должно быть что-то еще, иначе бы они все не причитали так: и горничные, и моя сестра. За что я еще должна оправдываться перед ар Эрхольдом... то есть перед супругом?

— На самом деле я не помню, что произошло, когда мне стало плохо, — попыталась зайти с этой стороны. — Я что-то натворила?

Местная Настя моргнула на меня. Раз а три.

— Ну, за что мне будут высказывать.

— Ты правда какая-то странная, — блондинка сложила руки на груди. — Разумеется, натворила! Уже год со дня вашего брака ты, его Искра, не можешь зачать и родить наследника императору драконов! Этого более чем достаточно!

Прежде чем я успела переварить то, что мой муж еще и дракон, сестрица добила:

— В лучшем случае он отправит тебя в изгнание, а в худшем — казнит!

2

Допрыгались, как сказала бы моя мама. Увы, мамы уже несколько лет как не было, как и отца. Они ушли друг за другом, и, можно сказать, меня в том мире вообще ничего не держало. С отношениями у меня не складывалось: в университете я встречалась с парнем, который потом переехал в Москву и нашел себе девушку поближе. С московской пропиской. После этого я долго не подпускала к себе мужчин, были попытки ходить на свидания, за мной пытались ухаживать. Как раз одним из последних пытался владеец крупного промышленного холдинга. Мы познакомились, когда я занималась праздником для одного из их предприятий международного уровня. Было много иностранцев, высокопоставленных и низкорожденных (если вспомнить, как некоторые тогда напились), от мероприятия все остались в полнейшем восторге. Именно тогда он обратил на меня внимание: мужчина с внешностью голливудской кинозвезды, завидный холостяк из списка Форбс, которого в нашем городе все то ли боялись, то ли боготворили. Но я ровным счетом ничего не чувствовала...

Возможно, именно поэтому я очутилась здесь. В том, что я жива, хотя и так странно, в теле этой самой Альви, сомнений не было. Выяснить бы еще, где это здесь. Если за одну только невозможность родить здесь можно без головы остаться. Средневековье как есть! Не зря я этот замок сравнила с декорациями того времени.

— А можно, я сама уеду? — поинтересовалась я у «сестры». От греха подальше. Как-то не тянуло меня второй раз за несколько дней? Неделью? Умирать. — Без предварительной встречи.

Анаста выпучила глаза.

— Ты правда умом повредила? За такое точно казнят!

Понятно, встречи с венценосным супругом не избежать. Что ж, ладно. Будем изображать дурочку, кивать и соглашаться со всем, и очень надеяться, что меня ждет изгнание, а не что-то похуже. Изгнанию лично я буду очень рада: с таким мужем, который за потерю ребенка может казнить, и врагов не надо. Чем дальше от него, тем лучше.

— Я просто очень расстроена, — объяснила свое поведение блондинке, которая и так смотрела на меня очень подозрительно. Стоило мне это сказать, как подозрение с ее лица тут же ушло, она сочувственно закивала.

— Еще бы! Тебе, как Искре, от такого вдвойне больнее.

Искра! Снова в памяти полыхнуло, коротким, но емким воспоминанием. Искру для сильнейших драконов этого мира выбирают еще в детстве: по силе крови, по совместимости с тем, кому предстоит родить наследника и поддерживать на протяжении всей жизни. Только Искра способна выдерживать полную силу мужа, забирать ее излишки, которые могут свести дракона с ума. Только Искра способна произвести на свет наследника, и, чем сильнее дракон, тем больше ответственность.

Когда Искра избрана, в ее тело помещают частичку драконьего пламени, и с самого детства ее тело развивается, подстраивается под него, для того, чтобы в будущем принимать силу, выдерживать ее, суметь выносить ребенка с драконьей кровью, и, может быть, даже не одного. Драконами в этом мире рождаются только мальчики, девочки, даже с драконьей кровью, остаются просто наследницами знатных родов и удачно выходят замуж, но, увы, уже не за драконов. Дочерям драконов никогда не стать искрами, и крыльев им не дано.

Не успела я переварить полученную из памяти Альви информацию, как Анаста снова зашебетала:

— Ну что, сестрица, хочешь поспать? Или пойдем прогуляться?

— Так мне же, вроде, лежать надо, — произнесла я.

— Ох уж этот мне Барви, — сестрица махнула рукой. — Тот еще перестраховщик.

Значит, Барви королевский лекарь. Точнее, императорский. Запоминай имена, Аглая, запоминай. Точно лишним не будет.

— Тогда я, конечно, хотела бы погулять, — честно призналась я, — если за это, разумеется, не казнят.

Шутку юмора Анаста не оценила, снова выпучилась, и я решила, что больше шутить не стоит. По крайней мере, с ней.

— Я помогу тебе одеться, — сказала она, когда я поднялась. — На улице уже совсем холодно. Вчера выпал первый снег, растаял, разумеется, но от этого не легче.

Первым делом я заглянула в ванную, которая прилежала к моей комнате. Что меня определенно порадовало, так это то, что она была. И ванна в ней была, сверкающая жемчужным перламутром, стояла на массивных бронзовых ножках. Никаких тебе средневековых бочек и лоханей, здесь вообще все больше напоминало стилизованный отель, чем настоящий замок. Отполированная двухцветная плитка под ногами: темно-красная, и белая, на стенах — просто холодная белая, массивное зеркало в половину моего теперешнего роста, куча баночек, скляночек, масел на полках. Полотенца, мягкие пушистые тапочки, халаты.

В тапочки я влезала с удовольствием, равно как и халат надела. Все-таки в замке было достаточно прохладно, в ванной камина не было, как в комнате, а тело Альви еще недостаточно восстановилось после выкидыша. Сама мысль об этом отозвалась грустью, и я невольно приложила ладони к животу.

Что это? Откуда такие чувства? Почему так больно от того, что моим никогда не было, ведь я никогда не носила этого малыша...

Дабы окончательно не провалиться в эту жгучую горечь, я занялась приведением себя в порядок и совершила все гигиенические процедуры, как и в своем мире. Унитаз здесь тоже наблюдался, в небольшой, отведенной специально для этого дела нише. Стоял на постаменте, как трон, и работал по принципу умной сантехники: попу поднял — услышал слив. У местной ванны не было крана, а вот у местной раковины был, правда, без вентиля. Срабатывал, стоило сунуть под него руки, но таким и в нашем мире никого не удивишь, вода из него сразу шла идеально комфортной температуры. Поэтому раковиной я пока и обошлась, решила не искушать судьбу расспросами Анасты по этому поводу. А там, глядишь, и память что-то да подкинет про купания.

Когда снова вышла в комнату, увидела лежащие на кровати наряды и поняла, что местная ванная комната, похоже, единственное благо цивилизации. Потому что там лежали нижнее платье, панталоны, более плотная нижняя юбка, корсет, кринолин, верхнее платье, короткая курточка, муфточка... Плюс еще один вес к весу Альви.

— Садись, приведем тебя в порядок, — скомандовала сестра.

Но сестра я не успела, потому что дверь в мою спальню распахнулась так, что чудом не сорвалась с петель. Меня окатило волной мощной, яростной силы — как будто я оказалась в эпицентре извержения вулкана.

— Реверанс, Альви, реверанс, — еле слышно зашипела Анаста, которая уже присела, опустив глаза в пол.

Я же застыла как вкопанная и глаз не опустила, поэтому ударила об огненный взгляд шагнувшего в комнату императора.

3

Глаза у дракона оказались бирюзово-синие, как вода подо льдами, и такие же холодные. Впрочем, под этим взглядом усомниться в том, что этот мужчина привык к власти, не довелось бы даже самой наивной девушке, я же наивной не была. Этот взгляд пронзил меня навыворот, а еще, помимо моей воли, в груди полыхнуло жаром, тогда как по телу прошел озноб. Муженек был одет в военную форму, мундир и брюки, словно пропитанные темной бронзой, только добавляли его образу властной силы. Резкая линия скул, мужской волевой подбородок, сила мышц, очевидная даже под форменной одеждой — и едва ощутимая, исходящая от него угроза. Дракон возвышался надо мной, подобно скале, я примерно прикинула, что даже если бы Альви надела каблуки, она едва-едва доставала бы ему до плеча.

— Тебе уже разрешили вставать? — без приветствий поинтересовался он. Перевел взгляд на разложенную на постели одежду: — И куда же ты собралась?

— Погулять, — брякнула я, совершенно не понимая, что со мной происходит.

Потому что передо мной стоял совершенно незнакомый мужик, ну император, подумаешь, а внутри творился какой-то кавардак, коктейль из чувств, эмоций и... гм, определенных реакций моего тела. Должно быть, так влияло то, что Альви была его Искрой. Была и оставалась.

— Простите Альви, мой император, — пробормотала за моей спиной сестра, краем глаза я уловила, что она так и не разогнулась, и всерьез задумалась о том, что так и радикулит недолго заработать. — Она так хотела выйти на свежий воздух... и я не смогла отказать.

Чего? Ты вообще-то это и предложила!

Я не стала тыкать в Анасту пальцем в лучших традициях школьных разборок, тем более что император по-прежнему на нее не смотрел, он рассматривал меня. Словно мысленно разбирали на молекулы и собирал снова.

— Теперь я ни на секунду не сомневаюсь в том, по чьей вине произошел твой выкидыш, — закончив сканирование, холодно произнес этот робот, ой, простите, дракон. — Ты безответственная, неприспособленная к жизни во дворце, не умеющая даже позаботиться о жизни внутри себя.

Э-э-это что еще за абьюз?! Нет, я не ждала, что тот, кто может выгнать или казнить жену за неспособность родить, будет расспышаться в нежностях и комплиментах, но все-таки как-то помягче, наверное, можно было, да?

— Решение моего отца сделать именно тебя Искрой было ошибкой. Завтра же отправишься в Лавуаль и начнешь подготовку к извлечению искры. После чего останешься там до конца своих дней!

Вот так! Приговор озвучен, будет приведен в исполнение, и обжалованию не подлежит.

— И на том спасибо, — пробормотала я, когда венценосный муженек развернулся ко мне спиной. Негромко пробормотала, правда, можно сказать, прошептала, но он тут же развернулся обратно, шагнул вплотную: так, что еще чуть-чуть, и я бы нежно поцеловала его в массивный орден.

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы снова посмотреть в эти иссиня-ледяные глаза.

— Ты что-то сказала? — холодно произнес он.

— Сказала, что счастлива вашему решению, — я была больше чем уверена, что со слухом у него все в порядке, — жить-то хочется, даже несмотря на всю мою маленькость, безответственность и никчемность.

За моей спиной раздался звук, похожий на тот, с которым кошка срыгивает шерсть. Поскольку кошек здесь не наблюдалось, я предположила, что это Анаста подавилась, или задыхается, или у нее сердечный приступ. Что касается последнего, я к такому была близка сама,

потому что по моему телу прокатилась волна драконической мощи, заставив волосы на всем моем теле встать дыбом. Спасибо хоть на голове все осталось как есть, а то, к слову о кошках, мамина Пуська очень сильно линяла, когда пугалась. Интересно, что бы сказал император, если бы из меня волосы начали пучками выпадать? Прямо у него на глазах!

Представила себе эту картину и, не сдержавшись, хихикнула. Смешок был больше нервный, но супруг сдвинул брови и неожиданно прорычал:

— Тебе смешно, Альви?

— М-м-мне? Нет. — Я никогда раньше не впадала в истерику, но сейчас чувствовала, что очень к этому близка. Сказывалось напряжение, близость венценосного супруга и реакция владелицы тела на этого мужчину. Кожу рядом с ним просто невидимыми иголочками покалывало, будто от невозможности к нему прикоснуться я плавилась изнутри.

Прежде чем я успела опомниться, его ладонь легла мне на шею. Обманчиво-мягко, но я прекрасно понимала, что он может свернуть ее в один миг, как цыплячью.

— Ты должна была родить мне наследника к этому дню. Вместо этого ты плясала на балах, развлекалась, не сумела зачать, а когда магическое оплодотворение превратило тебя, пустышку, в потенциальную будущую мать моего ребенка, ты даже с этим справиться не смогла.

Меня крыло то ли от его близости, то ли от его прикосновения, то ли от всего, что на меня навалилось, а может быть, и от первого, и от второго, и от третьего разом. Крыло, крыло, крыло и накрыло так, что я на мгновение выпала из реальности, а когда вернулась...

— Я должна была? — уточнила я. — Насчет зачатия, я, конечно, не претендую на звание эксперта, но в этом обычно участвуют двое. А насчет развлечений — вы знали, что даже куры в неволе хуже несутся?

— А-а-альви, — донесся из-за спины испуганный выдох.

Что ж, значит сердечный приступ Анасту миновал, и то хлеб.

Что же касается императора, похоже, сейчас он был к этому близок, как никогда. Цвет его глаз даже несколько раз сменился, пробежался от темной синевы ночного моря до легкой летней бирюзы и обратно.

— Как ты смеешь мне дерзить?! — прорычал он.

— Я? Я не смею! Кхе-кхе! — Я вцепилась в руку, которая сжалась на моей шее сильнее, чем планировалось. — Я п-п-просто попыталась уточнить: дело точно во мне одной?

Последнее я точно сказала зря. Рука на моей шее разжалась, а вот сила, плеснувшая в меня, вскипятила кровь. Показалось, что в каком-то смысле буквально, ощущения были такие, что во мне плавится каждая косточка, каждая мышца и каждая клеточка тела. Пол словно пошел волнами, и, лишившись такой важной опоры, я рухнула к его ногам.

— Сегодня же! — коротко приказал «муженек». — Чтобы сегодня же ее не было во дворце.

Анаста ахнула, но он лишь развернулся и быстро, широким шагом пересек комнату. Хлопнула дверь. Все еще приходя в себя после незабываемых ощущений, я попыталась подняться, но чудом не рухнула прямо на подбежавшую ко мне сестру.

— С ума сошла? — прошипела она. — Вот чего ты добилась таким поведением?

Того, что монарший дракон задумается о смысле жизни и о том, что в зачатии действительно участвуют двое? Это вряд ли. Такие как он с детства привыкают к тому, что они пуп Земли, или как у них тут эта планета называется. К тому, что все, что происходит не так как задумано — это вина остальных, но никак не их. Угораздило же тебя, Альви! В нашем мире от таких девчонки бегут бегом, только пятки сверкают.

Эти мысли нахлынули на меня в один миг, пронесли в голове вихрем и ушли. Вслух же я озвучила только одно:

— Вот и погуляли.

4

Что еще я успела узнать о своем неожиданном супруге, так это то, что император слов на ветер не бросает. Сказал: чтобы сегодня же ее во дворце не было, и уже через несколько минут в мою комнату буквально ворвалась толпа горничных и лакеев, спешно пакующих вещи в сундуки. Никого вообще не интересовало мое здоровье, смогу ли я нормально путешествовать, за исключением разве что сестры. Впрочем, Анаста после случившегося всплеснула руками и со словами:

— Я попробую поговорить с его величеством и убедить его передумать, — сбежала следом за императором.

В отличие от нее я на успех ее убеждений и уговоров особо не рассчитывала, да и, по хорошему, мне было глубоко начхать на власть имущего внезапно обретенного мужа. Может быть, Альви было не все равно, нет, судя по тому, как мое сердце временами екало фантомной болью, ей совершенно точно было не все равно на этого тирана. Она его любила по-настоящему, восхищалась им. Я это поняла, когда меня внезапно накрыло тоской по этому мужчине. Не по дворцу, не по балам, о которых он упомянул, а по нему самому. По его скупой улыбке, по прикосновению рук в танце, по его коротким визитам в спальню раз в месяц, когда можно было его обнимать, не нарушая никакой дворцовый этикет... Кажется, она скучала даже по холоду и разочарованию в его глазах, когда не получалось забеременеть снова и снова. Даже по той встрече, где он сказал о магическом оплодотворении. Насколько я поняла, это был аналог нашего ЭКО, только с помощью магии.

Я тут же открестилась от этого чувства, потому что оно явно было не моим. Грустить и скучать по незнакомому мне мужчине я не собиралась, а вот радоваться обретенной свободе — вполне. Еще бы понять, где находится этот Лавуаль?! Судя по названию, мне представлялось что-то вроде милой, тихой и спокойной деревушки во французской провинции, но память тела, читай Альви, мне не помогала. Внутри все сжималось и стыло то ли от скорого расставания с императором и привычной жизнью, то ли от мыслей об этом самом Лавуале. В конце концов я плюнула на внутренний навигатор и решила спросить у пробегающей мимо горничной, в которой узнала одну из тех, что была здесь во время моего первого пробуждения.

— Подскажи, а далеко отсюда до Лавуаля?

Она едва не споткнулась, чуть не выронив стопку белья из яркого атласа. Широко распахнула глаза, будто я спросила что-то странное или глупое.

— Если по морю, то около двух недель, госпожа. Если по небу, то день, наверное.

— По небу? — оживилась я. Мой современный мозг тут же представил самолет, на худой конец дирижабль. Во дворце есть канализация, значит, и летательные аппараты могли изобрести.

— Да, — кивнула девушка. — Но это доступно лишь драконам.

Весь мой энтузиазм разом сдулся. Конечно, зачем самолеты в мире с драконами? Превратился в ящерицу, крыльями взмахнул, и ты через пару часов на другом континенте. Если «по морю» подразумевает другой материк. Или я снова все напутала?

— А по земле? — решила уточнить осторожно.

— Что вы, госпожа, по земле в Лавуаль не попасть. Только настоящие смельчаки выбирают путь через снежный перевал Элирона, из-за вечной непогоды единицы могут его преодолеть.

Бр-р-р, Эльбрус какой-то.

— Значит, море, — пробормотала я, надеясь на то, что почти бывший муженек не станет экономить и не отправит меня в Лавуаль пешком.

Хотя с него станется. Он в принципе о жене не заботился, даже когда она ему вроде как нужна была для рождения детей, а теперь и подавно хочет отправить с глаз долой, из сердца вон.

— В Лавуале сейчас погода хорошая? — забросила я следующую удочку.

Горничная побледнела и подозрительно отвела взгляд.

— Для тех, кто привык там жить, госпожа. — Она присела и посмотрела на меня умоляюще. — Простите, мне нужно помочь вам собраться, иначе меня накажут.

Пришлось ее отпустить, заодно прикусить язык, чтобы себя не выдать. Потому что если о Лавуале знает простая прислуга, то о нем точно должны знать Альви и Анаста, которая так и не вернулась. Очевидно, убеждала императора передумать. А жаль, здесь от нее пользы было бы больше. Или тоже собиралась? Насколько я успела заглянуть в память Альви, сестры были неразлучны. В детстве, в отцовском поместье, ко двору приехали вместе, вместе переживали все горести и радости. Логично, что Анаста отправится со мной в ссылку.

Мне, правда, хотелось помочь со сборами, чтобы самостоятельно решить что брать, а что нет. Проконтролировать. Но первая же моя попытка заглянуть в ближайший сундук заставила горничных нервно шушукаться. Так я поняла, что Альви сундуками не занималась. И побоялась себя выдать. Кто их знает, как они отнесутся к лже-Искре. Если император чуть неугодную супругу не казнил, то что сделает с той, что забрала ее тело? Предполагаю, мои слова: «Я не специально, так получилось», вряд ли убедят его отпустить меня с миром.

Поэтому я шикнула на свою деятельную натуру и временно притаилась. Тем более сундуки все равно были не мои, а рыться в чужих вещах — моветон. И это не говоря о том, что сил тела Альви хватило на то, чтобы дойти до кровати и лечь спать. Я реально уснула даже под грохот развернувшейся в спальне активности.

Когда же я проснулась, в моей комнате остались лишь пустые шкафы: мне бы всех этих слуг, когда я переезжала со съемной квартиры в собственную. Пришлось несколько дней потратить, чтобы перетащить все нажитое и прилично заплатить компании грузоперевозок. Сейчас все для меня делалось бесплатно, и самой ничего таскать было не нужно. Нюанс заключался в том, что это вообще были не мои наряды, и я понятия не имела, что они таскают. Если в этом Лавуале холодно, хорошо бы иметь с собой теплые вещи, но из того, что я успела увидеть, одежда императрицы состояла из шелка и атласа. Никаких пуховиков или шерстяных носков.

Хотя память Альви снова меня «исправила»: не императрица она. Императрицей, а точнее арой, ее бы назвали в случае произведения на свет наследника империи. До этого счастливого события она просто Искра.

Была Искрой, а совсем скоро перестанет ей быть окончательно.

5

Когда солнце покатилося к горизонту, меня проводили длинными дворцовыми коридорами и лестницами до кареты. Даже присесть на дорожку не дали, спасибо, хоть полноценно покормили: уткой, печеными овощами и крохотным пирожным на десерт. Не знаю, как там в Лавуале, а в столице было достаточно прохладно. Живые лабиринты пожелтели и поредели, наверняка, зеленые летом кусты сменились черными ветками, деревья сбросили листву до следующего весеннего сезона. Закатные лучи окрасили все в золотисто-красные тона, а ветер с привкусом соли тут же пробрался под мою накидку. Когда я спускалась по широкой лестнице к черному, без изысков экипажу на подъездной дорожке парка, чуть не окуклилась от холода. Дворцу за моей спиной, навещающем мысли о Версале или Петергофе, больше бы подошла карета Золушки, изящная, пузатенькая, с золотом, но что выдали, то выдали.

На самом деле пригнали целых два экипажа: один, поменьше, для меня, другой, побольше, для моих сундуков, которые не падали сверху исключительно потому, что кто-то их хорошо привязал. Багажная карета напоминала индийский поезд. Разве что ничего автоматизированного здесь не было: в кареты запрягли гнедых лошадей, которые топтались на месте, готовые сорваться и увезти меня из этой красиво-страшной сказки, в которой императору нужна не жена, а инкубатор для будущих дракончиков.

Альви была Искрой, не последним лицом при дворе, в ее воспоминаниях было множество фрейлин, девушек, которые добивались ее дружбы, сыпали комплиментами. В моем мире это называлось по-другому. Почему среди них не нашлось ни единой подруги? Потому что сейчас, когда Искра императора стала парией, изгнанницей, никто, ни одна из них не пришла попрощаться или ее проводить.

Я оглянулась на дворец и испытала легкий приступ отчаяния, который снова мне не принадлежал. Впрочем, Альви не хотела, чтобы пришел кто-нибудь, она ждала одного конкретного дракона.

Натаниэль.

Будто император мог вот-вот появиться на верхней площадке, пробежать с лестницы, упасть ей в ноги и умолять остаться. Так хотелось бы этой бедной влюбленной девушке. Я в этом плане была более прагматичной и понимала, что на колени его мерзавское величество упадет только если ему по этим коленям прилетит чем-то тяжелым. Такие мужчины вообще не меняются и ни о чем не умоляют, они умеют исключительно приказывать и отправлять в ссылку беззащитных женщин.

Моя, уже совершенно точно моя, ярость, кажется, окончательно вытеснила нежную Искру. А может, она полностью уступила мне, когда лакей протянул мне ладонь в белой перчатке, а ее так и не окликнули. Я буквально почувствовала, как во мне растворяются отголоски чужих чувств, оставляя мои.

Например, лично меня больше интересовало: куда делась Анаста, и как я все-таки буду путешествовать, если меня запихнули в карету.

Со вторым все стало понятно спустя полчаса, когда меня совершенно неромантически потрясли в экипаже и привезли в порт. Теперь я понимала, откуда этот привкус соли на языке — море было ближе, чем я могла представить. Еще меня так впечатлили огромные корабли, с мачтами, вырастающими в небо, изящные и украшенные резными деревянными драконами на носках, со сложенными парусами, что я вообще забыла и про Альви, и про ее сестру, и тем более про императора.

Я словно попала в тематический фэнтези-парк или на съемки фильма про флибустьеров. Порт был огромным, со множеством кораблей поменьше и побольше, туда-сюда носились люди, грузили, разгружали, смеялись, кричали... Это так сильно разнилось с законсервирован-

ной тишиной, с которой я успела столкнуться в коридорах дворца, что меня немного выдернуло и втолкнуло в жизнь. Правда, теперь я понимала, почему мне по пути так никто и не встретился: просто никто не хотел встречаться с заклеяменной бездетной Искрой. А этим простым рабочим порта и матросам до меня вообще дела не было.

Лакей, что меня сопровождал, вернулся и оторвал меня от разглядывания кораблей. Распахнул передо мной дверь.

— Сюда, госпожа. Я познакомлю вас с капитаном.

Порт отметился грязью под ногами и мелкой моросью, я пожалела, что на мне тоненькие туфельки, а не ботинки. Меня повели мимо красивых кораблей, на которые я уже раскатала губу, к миниатюрному на их фоне, двухмачтовому и какому-то дряхленькому. Если те, которыми я любовалась сияли лакированным деревом в свете фонарей, этот был каким-то серым и хлипким. Я вообще доплыву туда, куда надо, или мой супруг решил меня утопить по дороге?

— Любуется моим малышом, госпожа? — поинтересовался высокий седобородый мужчина в полинявшем пальто.

Я хмыкнула на двусмысленность этой фразы: понятное дело она была рассчитана на хрупких леди.

— Прикидываю свои шансы на выживание, — ответила честно, с вызовом встретила его взгляд.

— Это вы зря, — обиделся мужчина. — Я капитан этого корабля вот уже двадцать лет. Как видите, ни один шторм его не сломил.

Вот и мастера по ремонту бытовой техники всегда говорят, что не нужно покупать новую стиральную машинку, лучше чинить старую — дольше прослужит.

— Никогда не знаешь, который шторм будет последним, — пробормотала я и повернулась к лакею. — А другие варианты есть? Я подожду утренний рейс, если что, посплю в карете.

На меня посмотрели как на сумасшедшую: и лакей, и капитан.

Ответил капитан:

— Мой «Сорванец» — единственный корабль, который перевозит продукты и пассажиров в Лавуаль. Не подниметесь на борт в течение часа, будете ждать следующего рейса через два месяца.

Через два месяца?! В течение часа?

— Но мы не успеем погрузить сундуки, — воскликнула я, вспомнив, как долго их собирали.

— Очень жаль, — зло бросил капитан. — Но если начнете сейчас, большую часть с собой увезете. Выделю вам двух матросов, можете сами им помочь.

Я посмотрела на него скептически, потому что где сундуки, а где Альви. Я сегодня по комнате устала ходить. Не говоря уже о том, что даже без медицинского образования можно было понять, что после выкидыша носить тяжести ни один доктор не порекомендует.

— У меня сестра не приехала! Она не успеет! Вы можете подождать?

— У вас час и не минутой больше, — отрезал капитан и ушел.

Мне резко стало не до холода, оставалось только руководить погрузкой собственных сундуков. Вот чем, спрашивается, я занималась, когда это все упаковывали? Спала! А надо было доползти, но проверить, что они там собирают и куда кладут. Сейчас бы знала, что просто необходимо с собой взять, а что можно оставить без зазрения совести. Не рассекретили бы! Но больше всего меня беспокоило отсутствие сестры.

В памяти Альви было железное — они неразлучны и неразделимы. Если Анасты нет, значит, что-то случилось. Она опоздала или заблудилась, или с ней что-то произошло. Что-то непоправимое. Это убеждение засело во мне на всех уровнях сознания и подсознания, поэтому я уже не особо следила за тем, что там грузят лакей и матросы. Все время смотрела на дорогу, ждала появления Анасты.

Ждала и верила, что сестра успеет.

Вот вроде мне она никто, и это не должно было меня волновать, но волновало. Когда же из очередного безликого экипажа вынырнула Анаста в знакомом розовом платье, у меня наконец-то отлегло от сердца.

6

Я не думала о ней как о сестре, у меня, в отличие от Альви, никогда сестры не было, но была новая коллега Настя, с которой у нас намечалась дружба. Мы понимали шутки друг друга, обсуждали проекты агентства, делились опытом. Возможно, поэтому в созвучии имен девушек я увидела некий знак. Если я почти подружилась с Настей на Земле, значит, подружусь с Анастой в мире, в который меня забросило по воле случая. Главное, убраться от императора побыстрее и подальше. И переодеть новообетенную сестру.

Не сказать, что моя накидка была теплой, но тонкая, в цвет юбки, накидка Анасты вовсе оставляла желать лучшего. В такой на бал ехать, а не в Лавуаль, где темно и холодно. После разговора с капитаном я не питала иллюзий насчет того, что бывших искр отправляют на курорт. Лавуаль — местное Заполярье, и нам с сестрой понадобятся не шелка и атлас, а пуховики, если мы собираемся там выжить. Хотя, может, моя привычка готовиться к самому плохому варианту, чтобы не разочаровываться, сыграла со мной злую шутку, или я просто вусмерть замерзла под этим снегодождем.

— Альви! — Анаста заметила меня и помахала рукой, подзывая к себе.

Идея была так себе, учитывая мои насквозь промокшие туфельки, но я выбежала ей навстречу, нырнула под широкий зонт, который над сестрой держал лакей. Анаста быстро обняла меня, правда, тут же поморщилась, когда намокшая оторочка оставила некрасивые пятна на ее накидке.

— У меня есть хорошие новости и плохие, — в лучших традициях неприятных разговоров сообщила сестра, оставив попытки оттереть пятна, которые никак не оттирались, и поправила безупречную прическу. — По сути, даже две плохих...

Меня прошибло холодным потом, когда я представила, что ей все-таки удалось убедить муженька Альви простить ее и вернуть в столицу, для того чтобы я могла продолжить карьеру инкубатора. Да я лучше Заполярье выберу! Буду там метеорологией заниматься, или чем там занимаются полярники? Только не возвращайте меня во дворец!

— Император передумал? — поинтересовалась я с опаской.

— К сожалению, нет, — сделала грустную мордочку Анаста и даже всхлипнула. — Я пыталась уговорить его не отсылать тебя сразу, чтобы ты могла прийти в себя после случившегося, но у меня ничего не получилось...

Фух, пронесло! Я по-прежнему свободная женщина. Нужно только пару месяцев до развода пережить, то есть искру извлечь и окончательно помахать ручкой его драконейшеству. Причем «дра» в этом слове явно лишнее.

— Это плохая новость? — уточнила я.

— Да, — Анаста горестно закусила губу.

— Тогда отлично, — я указала на корабль, — если сядем на эту посудину, то уже через две недели у нас будет собственный дом. Поверь мне, это лучше, чем дворец, где даже чихнуть не по этикету страшно.

Отступила в сторону, пропуская Анасту вперед, но сестра не пошевелилась. Она не посмотрела на корабль, но и на меня она тоже старалась не смотреть.

— Что ты такое говоришь, Альви? Дворец — лучшее место во всем мире!

— Сложно сказать, если ты почти нигде не была...

— Я с тобой не поплыву, — призналась она с горечью в тонком голосе.

Вот тебе и Настя! Значит, бросает меня. Но почему?

— Это вторая плохая новость? — пробормотала я. — А какая тогда хорошая?

Анаста наконец-то посмотрела мне в глаза, и в ее взгляде я не уловила ни капельки сожаления.

— Я стану новой Искрой ара Эрхольда! — взвизгнула она радостно. — Мы с ним долго разговаривали и пришли к взаимопониманию.

Она не собиралась ехать с Альви, внезапно поняла я. С самого начала не собиралась. Разве что пришла проводить ее в последний путь, тьфу, в Лавуаль. Анасте нравится дворец и, как оказалось, не только.

Кусочки пазла внезапно сложились в единую картину. Во дворце я об этом не задумалась, не до того было, но сейчас на меня вдруг свалилось осознание, почему Анаста вообще побежала к императору. К императору, к которому на хромой козе не подъедешь, даже Искре необходимо было записываться к нему на аудиенцию. А тут ее сестра так просто с ним встречается вне очереди, еще и о чем-то его просит. Главное, приходит к взаимопониманию! В отличие от наивной Альви, у меня-то розовых очков не было, но все равно даже я не сразу поняла, что...

Мой муж изменяет мне с сестрой. Даже осознание, что император мне не муж, а точнее, не муж мне, не спасло от хорошенькой ментальной пощечины. Потому что было невероятно противно узнать, что сестра, не просто сестра, подруга, меня предала.

Я жала кулаки так сильно, что боль от впившихся в кожу ногтей перебила холод.

А он? У ара Эрхольда все быстро: один инкубатор не сработал, сейчас другой оплодотворим. Могу поспорить, Анасте он магическое ЭКО не предлагал, все по старинке, как у настоящих драконов. По-звериному, в смысле.

— И как давно вы с ним пришли к «взаимопониманию»? — поинтересовалась холодно. Да так, что сестра широко распахнула глаза: никогда не слышала подобного тона от малышки Альви.

— Ты должна меня понять, — забормотала Анаста. — Ведь такой шанс выпадает раз в жизни. Если кто-то и должен меня понять, так это ты. Ты прошла через это, просто тебе не удалось зачать наследника ару Эрхольду.

— Зачать как раз удалось, — напомнила я. — Родить не получилось, и только за одно это он сослал меня в Лавуаль. Хочешь того же? Чтобы он тебя использовал и выбросил за ненадобностью?

— В тебе говорит обида, а не разум, Альви, — «включила» психолога Анаста. — Я не ты, меня он не бросит. Я рожу сына ару Эрхольду и стану императрицей!

— А потом вернешь меня во дворец? — хмыкнула я.

У блондинки забегали глаза, а щеки стали красными, превратив хорошенькую леди в пунцовую стерву.

— Вернуть? Ты же понимаешь, что это невозможно. Ты не можешь жить рядом со мной.

— Почему? Ты же жила.

— И это было ужасно! — Она топнула ногой так, что забрызгала грязью и свое платье, и мое. — Я всегда была твоей тенью, и это было невыносимо! Теперь ты побудешь на моем месте. Поймешь, каково это! Жить, когда тебя никто не замечает!

— Хорошо, — кивнула я, Анаста же опешила. Сестра Альви, видимо, ждала слез или слов проклятий, а в идеале, чтобы я встала перед ней на колени, умоляя пощадить. Я же испытывала лишь прокисший привкус разочарования в сестринских узах.

Чтобы не терять время, развернулась и пошла к кораблю. Если капитан не шутил насчет отплытия, мне лучше не опаздывать на посадку. К счастью, регистрацию я прошла и багаж уже сдала.

— Хорошо?! — взвизгнула она, позабыв про зонт и выбежав под снег, оформившийся и падающий с неба крупными хлопьями. — Это все, что ты можешь сказать?

— Сказать? Пошла ты на драконий нарост, сестра!

На меня оглянулись несколько матросов. Оглянулись и посмотрели, как мне показалось, с одобрением.

— Ты возьмешь свои слова назад, когда я стану арой, — зло выплюнула Анаста мне в спину.

— Сначала стань, — я помахала ей рукой.

Анасту перекосило, но она расправила плечи и нырнула сначала под зонт, а затем в распахнутую дверь экипажа.

Впрочем, противный осадок на душе растворился, стоило мне шагнуть на палубу корабля. Я не знала, что ждет меня впереди, в этом путешествии и в новой жизни, но что я знала точно — я только что скинула лишний багаж, и перевеса у меня не будет.

7

Натаниэль

— Ар Эрхольд, ноа Сабар пришел к назначенному времени. Позвать его?

Голос секретаря выдернул Натаниэля из задумчивости. Вот уже пять минут он наблюдал за падающими за окном густыми хлопьями снега, украшающими потемневшие в сумерках сосны-исполины — недопустимая роскошь для императора, у которого каждая минута на счету. Хотя снег тут был вовсе ни при чем, потому что Натаниэль мыслями был очень далеко от зимней сказки за окном и даже от своего кабинета, который сейчас отражался в стекле, накладывая холодную картину по ту сторону на теплую, с растопленным камином, мягким ковром, массивным письменным столом и удобным креслом. Кресло делалось на заказ, специально для императора, но сейчас казалось усеянным гвоздями, которые кто-то перевернул жалом вверх. Поэтому император не мог усидеть на месте, поэтому стоял у окна.

Любая эмоция недопустима для дракона, тем более — для императора. Ему нужно быть собранным, холодным, с трезвым разумом, держать все чувства под контролем. Контроль был второй сутью Натаниэля. Но сегодня он вышел из себя из-за девчонки, которая досталась ему в Искры. Которая раньше не вызывала в нем и капли чувств. Она была лишь инструментом достижения цели. Той, кто выносит и произведет на свет его наследника. Ей всего-то и нужно было — исполнить свою роль, но даже здесь она не справилась. Слабая, глупая, жалкая... И осмелившаяся заявить, что в отсутствии наследника он виноват не меньше! В том, что она сначала не могла зачать, а затем выносить его дитя.

Натаниэль с силой сжал кулаки, так, что на пальцах вспыхнули искры драконьего огня, язычки пламени побежали по предплечьям. Стоило ему вспомнить о том, как он собственными пальцами сжимал хрупкую шею Искры. До этого дня она даже глаз не осмеливалась на него поднять, а когда поднимала — смотрела с обожанием. Сегодня все изменилось: в глубине больших голубых глаз горело то, чего там отродясь не было.

Вызов.

Искра смотрела на него с вызовом, а еще дерзко. Словно не было всех ее клятв в любви и вечной преданности. Почти детского восхищения, которое зачастую раздражало. Впервые она смотрела на него как на равного, и Натаниэль не знал, чего больше хочется: сжать посильнее пальцы на ее тонкой шее или опрокинуть собственную, целиком и полностью принадлежащую ему Искру на постель и показать, что делать детей он умеет. Врываться в ее податливое тело, не сдерживая своей силы. Чтобы почувствовала всю его мощь. И всю ярость.

Именно сила собственных чувств и практически утраченный контроль над своим зверем, который требовал взять свое, подчинить, заклеить девчонку, посмевающую в нем усомниться, посмевающую дерзить... Все это встряхнуло Натаниэля, заставив действовать быстро. Решение пришло в голову мгновенно — отослать. Отослать бесполезную Искру от себя подальше.

Решение было правильным, так почему он до сих пор вспоминает этот взгляд, как отражение собственного? Непокорный, строптивый, цепляющий. После принятия искры внешность девушек менялась, подстраиваясь под драконий род, у его Искры были точно такого же цвета глаза и волосы. Но Натаниэль впервые слышал о том, чтобы под действием драконьего пламени менялся характер. Еще и не в лучшую сторону.

— Ар Эрхольд? — осмелился спросить секретарь второй раз.

— Зовите, — приказал Натаниэль, оставаясь возле окна. Снег его по-прежнему интересовал меньше всего, но вошедший вслед за секретарем невысокий грузный Сабар, всегда разряженный, будто собирается на бал, вызывал в нем чувств на тлеющий уголек. Их род был древним и знатным, но обедневшим. Им повезло, что проверка на брачную совместимость показала идеальную Искру для продолжения императорской династии. Именно поэтому отец

Натаниэля остановил свой выбор не на старшей сестре, а на младшей. Альви Сабар должна была стать идеальной супругой, идеальной матерью, идеальной Искрой... а оказалась ничем-ной пустышкой! Тем не менее ее отец получил золото и привилегии при дворце, вот и ходил как павлин.

Искра и вся ситуация с ней приводила в ярость, Сабар же просто раздражал. Потому что подвел его не меньше. Воспитав бесполезную, хрупкую, неспособную выносить наследника дракона девицу.

— Ар Эрхольд, добрый вечер!

— Не могу сказать об этом вечере того же, Сабар, — ответил он, так и не повернувшись к отцу Искры. — Мне сообщили неприятнейшую новость — мой наследник, ард Вейсмейстрии, так и не родится.

— Я соболезнаю вам, ар Эрхольд, — склонил голову мужчина.

Натаниэль все-таки повернулся, холодно посмотрел на Сабара.

— Вам стоит начать соболезнавать самому себе. Мой отец заключил с вами соглашение, по которому ваша дочь должна была родить мне наследника. Она с этой простой ролью не справилась, поэтому у меня к вам вопрос: что дальше? Что будем делать с договором Искры?

Сабара задело всего лишь краем императорской силы, по касательной, а он весь вспотел, с трудом выпрямился, будто его придавило к полу.

— Вы можете дать Альви еще один шанс? — неуверенно предложил мужчина.

— Нет, — отрезал Натаниэль. — Для нее больше никаких шансов. Тем более что Искра сейчас на пути в Лавуаль, и вам это прекрасно известно.

— Это жестоко с вашей стороны, ар Эрхольд, — покачал головой Сабар. — Вы не позволили нам даже попрощаться, а ведь мать ее очень любила. Родная кровь, как-никак...

Император вздернул бровь:

— Вы смеете меня упрекать?

Сабар и так не обладал высоким ростом, а сейчас и вовсе сжался, а его серое лицо пошло пятнами.

— Я не это имел в виду, — пробормотал он. — Простите, ар Эрхольд. Просто ее мать...

— Вы отдали мне свою дочь, теперь я распоряжаюсь ее судьбой. Получите ее обратно после извлечения моей искры.

Мужчина достал из кармана кружевной платок и протер лоб.

— Если Альви выживет...

— Зависит от нее самой. Выжила же, когда приняла мою искру, — напомнил император.

— Так это в детстве. Даже тогда это было опасно...

— Меня больше интересует, что делать с нашим договором, — перебил его император, опускаясь в кресло. — Как собираетесь выполнять условия сделки? Или желаете выплатить неустойку?

Сабар мигом побледнел до белизны снега за окном. Риск вернуться туда, откуда он вылез еще несколько лет назад, пугал его больше, чем перспектива смерти любимой дочери.

— Альви не справилась, примите за это мои глубочайшие извинения... Но у меня есть вторая дочь. Анаста проходила обряд проверки, она тоже вам подходит. Как Искра.

Анаста. Да, она подходила, и в постели с ней было интересно. Но до этого дня Натаниэль никогда не рассматривал Анасту на роль будущей ары и мать его наследников. Она была просто развлечением. Ни с ней, ни с другими любовницами он никогда не мог раскрыть всю свою силу в полную меру, иначе драконье пламя буквально сожгло бы девиц. По-настоящему ослабиться в постели дракон мог только со своей Искрой. И детей мог зачать только с Искрой. В Искру перетекало драконье пламя, подпитывающее маленького дракона.

Впрочем, Анаста действительно подходила ему по крови, а наследники были ему нужны, так какая разница, кто произведет их на свет? Воспитывать его детей она все равно не будет.

— Стоит ли мне рассматривать вашу дочь как Искру, если ее сестра не справилась?

— Стоит, ар Эрхольд, — закивал Сабар. — Она другая. Более сильная, более выносливая. В ней приживется ваша искра. Она сама приходила ко мне и просила об этой чести. Чтобы восстановить доброе имя нашего рода в ваших глазах.

Натаниэль посмотрел на ныне уважаемого вельможу с легкой брезгливостью. Потому что он снова переживал не за дочь, а за свой статус. Искру не просто так готовили с самого детства, когда тело девочки способно безопасно пережить магические трансформации, во взрослом возрасте риск повышался. Но есть ли у него выбор?

Магический обряд в прошлом помог выявить двенадцать искр, подходящих Натаниэлю, но некоторые после его свадьбы уже стали искрами других драконов, прочие же рисковали бы в точности так же, как Анаста. Даже больше чем Анаста. Девушки Сабар изначально совпадали с его пламенем больше остальных. Запасных искр оставляли на случай, если что-то случится с основной, но до этого дня Вейсмейстрия не знала ни единого случая, когда Искра не смогла зачать от дракона и родить ему наследника. Их не просто так готовили к этому. Пламя, развивающееся в Искре с самого детства, развивающееся параллельно с его собственным пламенем во время взросления, настраивало тело Альви для всего, для чего оно было предназначено. Тем не менее Анаста была и оставалась второй идеальной Искрой, и если кто-то и готов принять его силу сейчас, то это она.

— Проведем проверку, — произнес император. — Если все будет хорошо, после решения вопроса с вашей младшей дочерью Анаста станет новой Искрой.

А он навсегда забудет этот строптивый взгляд.

Перевернет эту страницу жизни, и снова вернет себе контроль. Пара месяцев в Лавуале поумерят в девчонке дерзость, а он извлечет из нее искру и забудет о ней навсегда.

8

Аглая

Как выяснилось, плыть две недели было исключительно осенью или зимой: большую часть пути занимали портовые пристани приморских городков, в которые мы постоянно заходили. Из-за погодных условий: «Сорванца» трясло как щепку, а я в такие моменты лицезрела в зеркале отведенной мне каюте зелененькую Альви. Когда могла встать, разумеется! Даже не представляла, что может быть так плохо. Как-то я организовывала эвент на круизном лайнере из Турции в Сочи, и, честно говоря, даже не почувствовала ничего, хотя мы умудрились попасть в немаленький шторм на обратном пути. Но то ли у Альви с вестибулярным аппаратом было хуже, то ли местные корабли были не настолько амортизированы.

Между приступами ужасной тошноты и их последствиями я думала о том, а почему, кстати, не амортизированы. Насколько я поняла, в этом мире есть драконы и магия, так почему бы эту самую магию не использовать во благо технического прогресса? Потом меня снова начало тошнить и становилось не до совмещений технологий и магии, а еще меня то и дело накрывало чувствами Альви.

Это в порту я такая гордая взошла на трап и оставила все за спиной, теперь же меня временами плющило так, что хоть волком вой. Альви действительно влюбилась в этого мерзавца, чистой наивной любовью, как может влюбиться восемнадцатилетняя девчонка в парня, который старше ее. Кажется, она с детства его любила, восхищалась, боготворила, ну а теперь вот так прилетело... по голове. Не говоря уже о том, что выкинула ее сестра.

Это тело помнило не только ласки императора, но и сестринские объятия, казавшиеся такими искренними. Они были неразлучны не только в детстве. Когда Альви выходила замуж, Анаста поехала с ней, она все время была рядом, была и главной фрейлиной, и камеристкой, и подругой... и вот. В результате меня постоянно пробивало на слезы: я чувствовала себя либо как в затянувшемся ПМС, либо как во время просмотра какого-то очень глубокого фильма, когда вытираешь наизнанку, и слезы льются рекой.

Я пыталась справиться с чувствами Альви, но не всегда получалось, а еще я невольно думала о том, что магическое оплодотворение убило совсем молодую девчонку, которой еще жить и жить было. Император об этом не знал, но, сдается мне, даже если бы я не словила анафилактический шок в своем мире и не оказалась в ее теле, его волновал бы исключительно тот факт, что Альви не смогла родить. А не тот, что она пострадала по его вине!

В такие моменты меня саму начинало трясти от злости, и я очень сильно жалела, что не пнула его императорское величество по огненным шарам напоследок. С другой стороны, наверное тогда я бы сейчас не плыла в Заполярье, а ожидала вынесения приговора в кандалах во дворцовом подземелье. Впрочем, от злости меня трясло исключительно в те моменты, когда я была на суше: пока пополнялись припасы и переживались шторма, я сидела в какой-нибудь стылой комнатухе на постоялом дворе и мысленно придумывала страшные кары на его императорскую голову.

Потом поднималась на борт и становилось не до того. Как, например, сегодня утром. Мы поймали окно между вчерашним штормом и надвигающейся выюгой, и капитан сказал выдвигаться.

— Успеем проскочить, — уверенно сказал он, — или застрянем здесь еще на пару дней.

— Слишком тяжелое небо... — заикнулся было его помощник, но тот посмотрел на него так, что мужчина осекся и замолчал.

Насколько я поняла, капитан «Сорванца» не терпел никаких возражений, да и в принципе был достаточно злопамятным. За мое первоначальное недоверие его, между прочим, на самом деле весьма хрупкому кораблику, он заклеил меня презрением и общался куцыми

фразами, показывающими его крайнее ко мне нерасположение. Я не особенно переживала, мне приходилось работать с самыми разными людьми, в том числе с теми, кто смотрел насквозь и сверху вниз, поэтому у нас с капитаном сохранялась взаимная дистанция.

После отплытия и выхода в открытое море корабль предсказуемо зашатало, меня предсказуемо затошнило, я позеленела и свалилась на койку. После очередного изматывающего приступа, во время которого я рассталась с неплохим завтраком из таверны, я, кажется, потеряла сознание. А пришла в себя от того, что нас не просто шатало, а трясло, как в центрифуге. Вещи падали со своих мест, что-то с грохотом бряцало. Из распахнувшейся двери (видимо, я забыла ее запереть) тянуло морским холодом, доносился шум и плеск волн и крики.

Корабль действительно бултыхало так, что я едва смогла встать на ноги, и то, вцепившись в койку, которая была намертво привинчена к стене. Исключительно по этой причине она не моталась туда-сюда, как все остальное в каюте. Я едва успела сделать шаг, как нас подбросило ввысь, как какой-то мячик. Пока мы летели, мой желудок подскочил к горлу, а потом плюхнулся вниз вместе с кораблем.

Раздался ужасающий скрежет, от которого волосы на всех местах встали дыбом.

«Капец котенку», — подумала я, поднимаясь на ноги и устремляясь вперед. Лесенка вывела меня на палубу, на которой творился просто какой-то кромешный ад! Матросы носились, пытаясь справиться с мачтами и парусами, корабль захлестывало водой, а море напоминало чудовище, которое готовилось нас сожрать. Высоченные волны швыряли корабль туда-сюда, капитан что-то кричал, пытаясь удержать рулевое колесо, но его уже не было слышно.

Свинец неба, низкого, давящего, серая пенная вода, которой не было конца и края, и посреди всего этого кошмара — мы. Одна из мачт была сломана, воды на палубе было столько, что она сразу залилась мне в высокие, надо отметить, ботинки! Я откопала их в одном из сундуков, потому что туфельки для такой погоды определенно не годились, но теперь не спасли и они. И вообще нас ничего не спасет, об этом я подумала с какой-то странной внутренней обреченностью.

А все из-за этого самоуверенного капитана! Ведь говорил же ему помощник... которого, кстати, нигде не было видно. Я сделала несколько шагов по палубе, поскользнулась, ухватилась за пролетающий мимо трос. Руки обожгло болью от соленой веревки, и я полетела на мокрые доски. Чтобы увидеть огромную, я даже не представляю сколько метровую черную волну, выросшую справа по борту.

И обрушившуюся на нас.

9

Я не успела ничего понять. Перед глазами в считанные мгновения пронеслась вся жизнь, моя, Альви, все воспоминания перемешались в кучу. Я слышала крики ужаса матросов, на инстинктах вскинула руки, и...

С них сорвалась яркая, сияющая золотым светом магия! Она взлетела ввысь, тонюсенькой пеленой, но об эту пелену волна ударилась с грохотом и разбилась! Не уронив ни капли на нас!

Больше того, спустя мгновение эта тонкая искрящаяся вуаль окутала весь корабль, и нас перестало шатать. В лицо перестала лететь вода, мокрые волосы уже не хлестали меня по щекам, паруса не рвало, как тряпки. Воцарилась небывалая, я бы сказала, пугающая тишина. Вот только для меня она пугающей не была, я чувствовала невероятное тепло, идущее из самой глубины моего существа, словно я изнутри была окутана этим спасительным золотом: в точности так же, как сейчас им был окутан корабль.

Мгновения паники и ужаса остались позади, я, широко распахнув глаза, смотрела, как с моих пальцев льется этот удивительный золотой свет. Казалось, посреди штормового моря возшло солнце, только не на небе, а поднялось из воды. Как же это было красиво! Невероятно!

Завороженная, я наблюдала за текущими с моих пальцев искрами, обнимающими меня и всех, смотрела, как высыхает вода на палубе, как паруса вновь наполняются силой, как ввысь взмывает сломанная мачта и с мягким хрустом встает на место. Здесь уже было не просто тепло, жарко, как в полдень на каком-нибудь тропическом острове.

— Искра...

— Сила искры...

— Она разве может, когда его нет рядом...

— Разуй глаза! Сам разве не видишь?!

Отовсюду неслись голоса: возбужденные, изумленные, восхищенные. Матросы сгрудились на палубе, глаза на меня. Капитан тоже застыл, вцепившись в рулевое колесо, как в спасательный круг. Откуда-то, с рассеченной щекой, поднялся его помощник, прихрамывая, приблизился к окружившим меня мужчинам.

За золотой стеной продолжал бушевать шторм, швыряя холодную воду в нас, как хлесткие плети, но им больше не суждено было добраться до «Сорванца». Как бы море ни ярилось, как бы ни сходила с ума природа, мы застыли в самом сердце этого кошмара в безопасности.

— Что застыли?! Паруса ставьте! — донесся окрик капитана, но на него мало кто обернулся.

Я бы и сама не обернулась, потому что все происходящее сейчас казалось нереальным, волшебным, прекрасным. Я словно в трансе, сквозь такую же золотую застилавшую мое сознание пелену наблюдала, как корабль тихонько покачивается в оберегающем его коконе, пока вокруг беснуется шторм.

Кто-то принес мне кресло, в которое я опустилась. На миг мелькнула мысль, что будет, если сила, идущая из меня, вдруг кончится, но мысль пришла и ушла, ее снова сменило это странное, незнакомое мне спокойствие и уверенность, которых я не чувствовала никогда раньше. Это была какая-то магия, буквально и фигурально, но я просто позволяла силе рождаться внутри меня и течь в мир, совершенно не представляя, как это все происходит. Как, почему... да это сейчас было и неважно.

Исцеленный корабль продолжал едва уловимо покачиваться, словно вибрировал изнутри, матросы взбирались на поручни, касаясь золотой дымки, смеялись, обнимались, хлопали друг друга по спине, радуясь спасению.

Шторм понемногу начинал стихать: сначала волны стали поменьше, потом начали растягиваться тучи, обнажая кусочки неба то там, то здесь. Потом и вовсе вышло холодное солнце, и в это мгновение чудо закончилось. Я словно резко глотнула ледяной коктейль на том самом тропическом острове.

Дымка полыхнула в последний раз и растаяла, и я вдруг ощутила ужасную, навалившуюся на меня усталость. Словно не просто в кресле сидела и спецэффекты устраивала, а вагоны разгружала два дня подряд. Веки стали тяжелыми, я сама тоже, а кресло показалось таким мягким...

— Рованский фрегат слева по борту!

От такого вопля не то что засыпающая хрупкая девушка, суровое умертвие подскочит. Не знаю, к кому меня можно было отнести после всех моих приключений, но подскочила я знатно. Чтобы увидеть огромный военный корабль с ало-серебряным флагом, идущий к нам на всех парусах.

На борту снова началась суeta, ко мне же мигом приблизился помощник:

— Госпожа Эрхольд, вам лучше спуститься вниз.

— Почему? — уточнила я.

— Это Рованский фрегат, военные.

Мы с ними воюем, или как? Спасибо местной Википедии Альви, в голове тут же вспыхнуло: Рован — соседнее государство, одно из немногих, не вошедших в состав империи. Отношения напряженные, холодные, но военных действий между странами не было. Уже хорошо.

— Переживу, — отмахнулась я. — Мне нужно подышать воздухом.

Тем более что в каюте все равно свалка сейчас, что мне там делать? Магия, может, и восстановила повреждения, но бочки по-прежнему катались по палубе, как и многое другое. В общем, спасение — да, пожалуйста, уборкой занимайтесь сами.

Помощник капитана хотел сказать что-то еще, но не решился, отступил. Тем более что его позвал капитан, и они побежали встречать местную делегацию. Корабли состыковались, с фрегата перекинули мостик. Я не торопилась встречать рованцев, просто наблюдала. И первым на борт ступил мужчина в ярко-красном мундире с серебряными эполетами. Рядом с которым даже немаленький капитан показался мне сейчас щуплым старшекласником.

10

Роста в нем было примерно как в императоре, а гонора — еще больше. Ну или мне так показалось, потому что на капитана он смотрел сверху вниз, и тот под его взглядом опустил глаза. Взгляд у ступившего на борт «Сорванца» был такой же тяжелый, как у моего супруга, с той лишь разницей, что в нем горело солнце, а не льды. Солнце, способное спалить всех и вся.

— Адмирал Вальден, добро пожаловать на «Сорванца», — произнес капитан, — чем обязаны такой чести?

— Вашего «Сорванца» было видно посреди шторма на много миль. — Голос у адмирала оказался ему под стать: жесткий, огненный, глубокий. Как будто само море решило заговорить. — Решил подняться к вам на борт и лично поприветствовать дракона, наделенного такой силой.

Я тренькнула. Иначе этот звук, который издал голосовой аппарат Альви, назвать было нельзя: у нее даже смех был тихий и звенящий, как будто кто-то тряс маленькие колокольчики. С другой стороны, всяко лучше, чем медные бубенцы. Пока капитан пытался подобрать слова, чтобы объяснить адмиралу, что никакого дракона он здесь не найдет, тот уже заметил меня.

Огненный взгляд прокатился от макушки до пяток, сканируя, как в аэропорту на досмотре.

— Леди? На корабле, идущем на север?

Я с трудом сдержала следующее треньканье. Кем бы ни был этот адмирал, за каким морским дьяволом его ни занесло в воды Вейсмейстрии, он явно не знал, что император выкинул свою Искру как мусор, потому что не смогла ему родить. А может быть, даже предположить такого не мог, но что-то он себе явно предполагал, потому что продолжал смотреть на меня. Смотреть и прожигать дырки с целью выявить что-то, ему одному известное.

К моему счастью, капитан вернулся в мир говорящих и переключил внимание на себя:

— Л-леди... это не леди, это госпожа Эрхольд. Она держит путь в Лавуаль, — капитан обернулся на меня, видимо, чтобы удостовериться, что я все еще на месте, — мы попали в шторм, и...

— Это сделала она? Искра Императора?

Вот только этого мне еще не хватало! Чтобы обо мне говорили в третьем лице, когда я здесь присутствую.

— Если вы про корабль, то да, его спасла я, — не стала отпираться, приближаясь к адмиралу и его компании. А смысл? Все равно все видели шоу с огоньком, так что... — У меня был артефакт с силой супруга, он дал его мне на такой вот случай.

Я же не дура, чтобы признаваться, что во мне странная сила. В ушах еще звучали слова матроса «Она разве может, когда его нет рядом...» Нет, не может. Пусть лучше списывают свое чудесное спасение на императорский артефакт, чем на маленькую слабую меня. С меня хватит пристального внимания власть имущих! Из памяти Альви за время путешествия я извлекла информацию, что в этом мире существуют самые разные артефакты, так почему бы не быть и вот такому, чудодейственному.

Правда, мне показалось, что адмирал не поверил ни единому моему слову: сканирование повторилось. С той лишь разницей, что теперь на меня смотрели гораздо более внимательно, а не как на нелепую декорацию, возникшую на палубе корабля по какой-то случайности.

— И где же этот артефакт, госпожа Эрхольд? — вкрадчиво поинтересовался этот... змей. Честное слово, я прямо представила, как он сворачивается кольцами.

— Разрушился, — пожала плечами я. — Вы сами видели, как светило, ни один артефакт такой силы не выдержит.

— Могу я поинтересоваться, какими судьбами в наших водах? — неожиданно вклинился помощник капитана, и я почти была готова его расцеловать. Потому что у адмирала неожиданно вытянулись зрачки, и он стал похож не то правда на змея, не то на... дракона.

Неужели тоже дракон? Любопытно!

— Можете, — холодно отозвался тот. — Я в Вейсмейстрии с дипломатической миссией, направляюсь в столицу. Но теперь вынужден ненадолго задержаться. Просто не смогу отпустить вас одних в Лавуаль, когда вокруг бушуют такие шторма, а защитный артефакт разрушен.

Говорил он вроде как с капитаном и его помощником, но при этом смотрел мне в глаза. Ну-у-у-у уж нет! Я вот этого вот сканирования на протяжении оставшихся дней пути не выдержу. Да и вообще, кто знает, до чего эти высокопоставленные драконы могут додуматься!

— Вы очень любезны, — отозвалась я, — но дальше мы доберемся без происшествий. Наш капитан очень опытный и знает, как избегать всякого рода опасных ситуаций, когда защитный артефакт разрушен.

Я нарочно повторила последнее его же словами, в общении это помогает выйти на равный диалог, даже если кто-то считает тебя... просто леди.

— Да-да, разумеется, не смеем вас задерживать, — пробормотал капитан. Прозвучало, конечно, как «Идите куда шли», в смысле, в столицу Вейсмейстрии на всех парусах, но адмирал, видимо, был из тех, кто не принимает на свой счет ничего, кроме денег и золотых слитков.

Стоило об этом подумать, как он шагнул ко мне и протянул на раскрытой ладони металлический кругляш. Его узор напоминал не то снежинку со сложной геометрией, не то какой-то кельтский символ.

— Если вдруг так случится, что вам понадобится помощь, просто бросьте его в воду, — произнес он. Не дожидаясь, пока я возьму, вложил артефакт мне в ладонь и сомкнул мои пальцы.

Несмотря на то, что адмирал был в перчатках, меня обожгло: не то его взглядом, не то контрастом силы и мягкости, с которой он ко мне прикоснулся. Я на мгновение замерла, и этого мгновения ему хватило, чтобы отдать приказ своим сопровождающим возвращаться.

— Доброго пути, леди, — адмирал развернулся и покинул наш корабль столь же стремительно, сколь на него взошел. Мне одной показалось, что он нарочно не стал называть меня именем мужа?

Я проводила высокого темноволосого дракона взглядом и, только когда красивый мощный военный фрегат отошел на приличное расстояние, разжала пальцы и посмотрела на артефакт. Металл сверкал в лучах солнца, но внутри словно переливалась вода.

— Благодарю, госпожа Эрхольд. — Ко мне снова приблизился помощник капитана. — Вы спасли нам всем жизнь.

— Благодарите моего мужа, — напомнила я.

Мне совершенно точно не нужно, чтобы обо мне пошли байки, как о какой-то диковинке. Особенно пока я сама толком не понимаю, что происходит.

— Я что-то могу для вас сделать?

— Да, если выделите кого-то в помощь, чтобы навести порядок в моей каюте, будет чудесно.

— Разумеется! Все сделаем в лучшем виде!

Пока матросы возвращали мебель на место, я сидела и смотрела на водный артефакт. Казалось, он вот-вот превратится в воду и утечет сквозь пальцы. Чудеса да и только! А впрочем... хватит с меня чудес! Я сунула его в одну из шкатулок Альви и задвинула на полку.

Почти сразу после уборки мне принесли обед. Я с аппетитом поела и, лишь когда меня снова оставили в каюте одну, забрав поднос с посудой, осознала очень интересную вещь: меня больше ни капельки не тошнило.

11

К счастью, дальше до Лавуаля мы добрались без приключений. После случившегося со мной охотно общались и матросы, и помощник капитана. Главный по рулю продолжал дуться и меня сторонился, но остальные были счастливы составить компанию по первой просьбе. Я частенько поднималась на палубу, в сундуках мне нашли длинное пальто и шаль, и в таком виде я могла очень много простоять, глядя на зимнее море. Тошнота меня покинула, поездка перестала быть изматывающей и утомительной, да и таких сильных штормов больше не было.

Возможно, именно поэтому в пункте назначения я сошла с палубы «Сорванца» даже с некоторым сожалением.

— Нам будет вас не хватать, — произнес помощник капитана, прощаясь.

— Когда вы в следующий раз будете здесь?

— Месяца через два. Может быть, позже. Шторма сейчас только начинают усиливаться, но мы привозим провизию. Местные, конечно, и без нас не пропадут, — он кивнул на портовый городок, который расстился у подножия гор, — а вот те, кто там, на высоте...

Я задрала голову. Если честно, Лавуаль совершенно не напоминал Заполярье, он был больше похож на Красную поляну. Стоящие чуть поодаль горы, высоченные вершины, вонзающиеся пиками в небо, сосны, уютные домишки, рассыпанные у подножья и между ними, виднеющаяся даже с пристани бурная река. Летом здесь, должно быть, небывалая красота. Да и сейчас, честно говоря, тоже. В зиме есть своя особая прелесть, и, если на сердце тепло, она щедро одаривает снежными чудесами.

За мной уже прислали экипаж, простенький, даже не такой, в котором я уезжала из дворца, совмещенный с багажным отсеком, а еще с полозьями вместо колес.

— В горах вы по-другому просто не пройдете, — пояснил угрюмый кучер. Да я и сама уже поняла. Попрощавшись с командой, я села в сани-карету, и мы тронулись.

Сначала дорога петляла между домишками, потом шла между гор и реки, и, стоило нам начать подниматься вверх по серпантинным дорогам, как снега начало становиться все больше и больше. Правда, красоты этого места заснеженные дороги не умаляли, напротив: я как в сказку попала. Заснеженные деревья на склонах, заснеженные шапки гор, высота и бескрайнее синее небо. Искрящийся на солнце снег резал глаза, поэтому, немного понаблюдав за пейзажами, я завернулась в плед, устроилась поудобнее на сиденье и, задержав шторы, провалилась в сон. Чтобы проснуться от резкого толчка.

— Почти приехали! — крикнул кучер.

Оказывается, мы уже преодолели не только подъем, но и деревню, раскинувшуюся перед замком. Который возвышался в горах, как какой-то туристический объект, спросонья я даже удивилась, что народу здесь почти нет. Были те, кто открывал ворота, еще слуги выстроились вдоль подъездной дорожки. И все.

— Госпожа Эрхольд! — громко провозгласил кучер, который подал мне руку, чтобы помочь выйти из экипажа.

Ко мне разом развернулись все недовольные лица. Еще бы! Я бы тоже была недовольная, если бы меня выгнали в морозный день встречать какую-то госпожу. Особенно в таких накидках. Некоторые старательно пытались улыбаться, но не от всей души. Кто-то даже не старался, кто-то был занят тем, чтобы не стучать зубами от холода.

— Внутрь! Все внутрь! — скомандовала я прежде, чем от толпы отделился дворецкий, у которого то ли зуб болел, то ли скулы свело.

Слуги, не дожидаясь повторения, радостно устремились по ступенькам вверх.

— Но так не положено! — возмутился дворецкий, которого я подхватила под локоть и повела за собой.

— А пневмонию им кто потом лечить будет? — уточнила я.

Здесь, вдалеке от его императорского величества, отделенная от него горами, морем, снегами, соснами и чувством собственного достоинства, я почувствовала себя совершенно иначе. Задышала полной грудью, если можно так выразиться.

Внутри замок оказался... замком. Высоченные потолки, холодный камень стен, арочные окна. Залитый солнечным светом холл казался просто огромным. По стенам стекали гобелены с морскими пейзажами, наверх уводила широченная лестница, при виде которой на ум сразу приходили мысли об английских и французских аристократах и всякие исторические фильмы.

К счастью, я вовремя вспомнила про собравшихся слуг и уже хотела возобновить знакомство, но в этот момент раздались какие-то крики и верещание. Откуда-то сбоку, из-под лестницы, вынырнул щуплый мальчишка, метнулся к дверям, но следом за ним вылетела дородная женщина в переднике, с испачканными мукой руками. Она в два счета схватила его за ухо и торжествующе воскликнула:

— Попался, паршивец!

12

На вид рыжему, напоминающем нечесаного домовенка, мальчишке я бы дала не больше шести лет, слишком тощий, чересчур хрупкий, противостоять поварихе он просто не мог. Ребенок вырывался и выл от боли, пока женщина тащила его за собой.

Кто вообще так с детьми обращается?!

— Что здесь происходит? — поинтересовалась я так холодно, что дражайший супруг, наверное, удавился бы от зависти или обвинил меня в плагиате. — Отпустите его немедленно!

Но мой приказ не то, что не сработал, скорее, дал обратный эффект: женщина в переднике подтащила мальчишку еще ближе к себе, словно боялась, что я отниму его силой. Только затем оценивающе посмотрела в мою сторону. Не найдя в малышке Альви ничего угрожающего, она вроде бы успокоилась и снизила до ответа:

— Чтобы он снова сбежал? Ни за что! Сначала накажу его хорошенько, чтобы больше не смел появляться на моей кухне!

— Жульена, я разберусь! Это наши дела, госпожа, — вклинился дворецкий, высокомерно задрав нос. — Оставьте их мне. Вы, наверное, устали с дороги. Я лично провожу вас в ваши покои.

Ваши дела?! Были ваши, стали наши.

Если до этого я действительно ощущала усталость: все-таки тело Искры было не приспособлено к таким путешествиям, Альви до замужества вообще не покидала родное поместье, а после того, как стала императорским инкубатором — тем более, то после попыток дворецкого меня спровадить и устроить тут суд над мальчишкой без адвоката, во мне буквально полыхнула искра справедливости!

Вообще-то этот замок мне муж купил. В смысле, подарил. То есть меня сюда сослал! Теперь мне здесь жить, наводить порядки и создавать репутацию. Не говоря уже о том, что обижать маленьких — это фу!

— А разве знакомство отменяется? — поинтересовалась я так, чтобы всем было слышно. Эхо в огромном холле было мне в помощь. — Или вы всех на мороз каждый день просто так выгоняете?

Лицо у дворецкого вытянулось, а улыбка еще больше стала похожа на странную гримасу, но все же он не растерялся:

— Вы можете познакомиться со всеми в следующий раз.

Несмотря на то, что я не справилась с ролью будущей императрицы и вообще была ссыльной Искрой, я все-таки была госпожой. Я руководила большим отделом и знала, что от того, как я сейчас себя поведу, зависит абсолютно все. Как бы я ни устала, не покажу, кто здесь главный — больше меня никто слушать не станет. Никогда. Будут кивать, со всем соглашаться, но за спиной делать по-своему, а все просьбы и указания — делить на десять.

Поэтому как бы ни ломило тело, и ни слипались глаза, я посмотрела в глаза дворецкому и махнула ближайшему лакею, чтобы помог снять пальто.

— Меня устроит сейчас. Как зовут вас?

— Беркинсон, — важно представился он, а я кивнула.

— Начнем с мальчика... Да отпустите его в конце концов!

Казалось, что еще немного, и рыжему придется ампутировать ухо, в которое, словно клещами, вцепилась повариха.

— Госпожа... — начала Жульена, но я ее перебила:

— Да, я ваша госпожа, прошу всех это помнить и выполнять мои просьбы, — я вроде бы обращалась ко всем, но смотрела на женщину, и не смогла не заметить, что отпустила она мальчика лишь после кивка дворецкого.

Впрочем, сбежать ему не позволили — он, конечно, попытался, но врезался в объемный живот поварихи. Отскочил в мою сторону и склонил голову, спрятав взгляд пойманного в капкан волчонка за густой и яркой, как солнышко, челкой. Если наш общий с императором цвет волос можно было назвать красным деревом, то его — морковным. Если моя кожа была белой, без единой веснушки, у него свободного от этих веснушек места на лице не было.

— Как твое имя? — спросила я у мальчишки.

— Зачем вам его имя, госпожа? — снова вмешался «мучающийся от зубной боли» дворецкий. А я не могла понять, ему действительно нужно к стоматологу, или он такой по жизни? — Он не из слуг. Из деревни. А здесь промышляет воровством.

Дворецкий поморщился, словно от мальчишки воняло. Я обратила внимание, что одежда и башмаки рыжего износились, но ничего кроме аромата свежей сдобы до меня не доносилось.

— Воровством? Что же он украл?

— Сейчас посмотрим, что! — Повариха будто ждала этого, потому что снова схватила мальчика и с довольным возгласом вытащила из его карманов... булочки. Такие крохотные сдобные булочки, мне такие во дворце подавали к прощальному обеду.

Я в прошлой жизни воровство не поощряла, не любила всяких мошенников, всегда считала: хочешь что-то, поднимай попу с дивана и иди работай. Но кража хлеба?! Это даже не смешно. А особенно несмешным стал голодный отчаянный взгляд, которым ребенок проводил конфискованные булки.

— Как тебя зовут? — с нажимом повторила я и бросила предостерегающий взгляд на дворецкого.

Мальчик молчал, смотрел на всех тем самым злым голодным волчонком. Я не стала исключением, мне вообще досталось больше всего детской ярости: из-за меня он оказался в центре внимания, из-за меня у него отобрали булки, из-за меня выплюют по самое не балуй. Потому что он деревенский мальчишка, а я аристократка. Такие как я таких как он не защищают.

Но и не ответить он тоже не мог: над ним нависали повариха и два лакея, а народу следило — и того больше.

— Пит, леди, — выдавил он сквозь зубы.

— Госпожа, — зашипел дворецкий. — Надо говорить — госпожа.

Я решила его игнорировать. В последнее время со змеями у меня не складывалось.

— Почему ты украл хлеб, Пит?

— Так есть было охота. Леди. — Последнее он добавил с вызовом, зыркнув на меня, а я сделала вид, что пропустила это мимо ушей.

— Ты не доедаешь дома?

— Дома? У меня нет дома.

— Он из приюта, госпожа, — шепнула мне ближайшая девушка в чепце горничной.

Чем выше в горы, тем злее поварихи...

Я повернулась к дворецкому и поинтересовалась, едва сдерживая собственное возмущение:

— У нас нечего есть?

— Простите, что, госпожа? — прикинулся он слабослышащим. А может, правда не понимал, что я от него хочу.

Я вспомнили слова капитана про то, что для замка не всегда хватает провизии, и спрашивала серьезно.

— Мы голодаем? Это последние в замке булки?

Кто-то в толпе слуг хихикнул, но тут же сделал вид, что закашлялся.

— Нет, — ответил дворецкий. — У нас достаточно припасов, чтобы продержаться до следующего корабля. Но это не значит, что вам стоит поддерживать воровство.

— Я не поддерживаю воровство, — сообщила я громко, для всех. — Пит должен быть наказан.

Рыжий насупился, а я вынесла ему приговор:

— Будешь трижды в неделю приходить в замок и забирать корзину с продуктами для других ребят в приюте. Раздавать им еду. — Я прикусила губу, только сейчас задумавшись, как мальчишка сможет носить тяжелую корзину, и добавила: — Тебе выделяют лакея, который будет за тобой следить, если вдруг ты захочешь меня обмануть.

Взгляд у него стал совсем диковым: уверена, таких наказаний ему еще никто не выдавал.

— Еще будешь приходить ко мне и отчитываться о своих визитах.

На самом деле, это условие было необязательным, но я успела понять, что за дворецким и поварихой нужен глаз да глаз.

— Ты все понял, Пит?

— Да что тут непонятного? — дерзко бросил рыжий. Явно искал подвох в моем наказании, но пока не находил.

— Тогда выполняйте мой приказ, — кивнула я дворецкому. — А знакомство мы действительно перенесем на завтра. Пожалуйста, выделите мне горничных, чтобы помогли с вещами.

Хоть здесь Беркинсон не стал пыхтеть, как старый чайник, и спорить со мной. Может, надеялся поскорее меня спровадить.

На этот суд у меня ушли все силы, поэтому до своих комнат я шла на автопилоте, но все равно краем уха уловила разговор горничных, держащихся на почтительном расстоянии.

— Гонору-то сколько, — заявила одна другой. — Сюда любимых ар не отправляют. Искра не угодила нашему императору.

13

Утром я успела познакомиться с главной «прелестью» Лавуаля, и это был даже не распоясавшийся персонал замка.

Вчера я уснула раньше, чем дождалась, пока мне готовят ванну. В отличие от столичного дворца, где был водопровод, здесь все делали по старинке: носили воду ведрами. Мне принесли горячий бульон с булочками, я одну съела, ополовинила чашку с супом, прилегла на постель, а дальше все. Стоило закрыть глаза, как меня принялось качать на волнах. Эффект поезда, в моем случае, путешествия на корабле. Возможно, поэтому я почувствовала себя словно в колыбели и уснула мертвым сном. А проснулась глубокой ночью.

Точнее, за глубокую ночь я приняла беспроглядную темноту за окном.

Комнату освещала одинокая свеча на каминной полке. Изящные пузатые часики рядом показывали половину девятого. Понять бы еще, это восемь тридцать или двадцать тридцать.

Я кое-как соскреблась с постели и села, холодный пол обжег голые ступни, а тапочки здесь были не предусмотрены.

— Влеплю одну звезду за сервис, — пробормотала я. В спальне ни то что прохладно было, очень даже свежо. Только простыть в этом морозильнике не хватало! Я, конечно, к зиме привычная, но централизованное отопление наше все, а здесь даже камин зиял черной пастью.

— Ноль звезд, — снова прокомментировала я, — и говноотзыв добавлю.

Мысленно вспоминая все нецензурные слова, что я знала — Альви бы от таких упала в обморок, я доскакала до огромного гардероба. К счастью, здесь было принято спать в ночных сорочках, которые больше напоминали очень скромные и закрытые платья. В них же было положено купаться, чтобы не пугать служанок наготой. Учитывая, что они же помогали мне эту сорочку вчера надеть и уже видели меня, в чем мать родила, логики я не видела, но сейчас обрадовалась местной моде.

Внизу гардероба, на подставках обнаружилась вся обувь Альви. Подумав всего секунду, я вошла в изящные ботиночки, в которых сюда же и приехала: просто это была самая адекватная обувь Искры. Хотя сюда больше бы подошли какие-нибудь домашние угли из овечьей шерсти. Тут вообще водятся овцы? Память Альви услужливо подкинула, что овец нет, а вот ламы и кролики как раз водятся в горах. Их разводят как раз ради шерсти, стригут, но это для простолюдинов, носить шерстяные вещи аристократу позорно.

Почему-то в моих воспоминаниях это звучало голосом Анасты. Будто старшая сестра все время диктовала Альви не просто как одеваться и что есть, но и что любить. Было ли у Искры собственное мнение?

— Ты так и не поняла, что мы теперь в самом низу карьерной лестницы? — поинтересовалась я у Альви. Она, конечно же, ничего не ответила. Мне достался даже не призрак, а набор образов, память, но не личность.

Перебрав развешенные в гардеробе наряды, я поняла, что Искру готовили сиять при дворце, а не тухнуть в плохо отапливаемой глубинке. Шелк, атлас... Все тоненькое, разве что не прозрачное. К слову, сорочка у меня тоже была такой же. Добравшись до бархатного халата, я победно пискнула. В исполнении Альви это действительно был писк.

— Госпожа, вы уже проснулись?

Я едва не подпрыгнула, крутанулась и заметила вчерашних горничных, похожих как близнецы: стройные и светловолосые, они смотрели на меня во все глаза, будто я нарушила сотню правил этикета. Мне же было уже плевать: у меня от холода на коже все волоски встали дыбом, хоть начинай приседать, чтобы согреться.

— Я замерзла, — сообщила я, и горничные наконец-то вспомнили о своей работе.

— Так мы сейчас камин растопим и ванну вам приготовим, — сказала одна.

— Вчера так и не дождались, — поддакнула другая.

— Мы не смогли вас разбудить, — закивали в унисон, но не сдвинулись с места.

Я все-таки сдернула халат с вешалки, закуталась в него и распорядилась:

— Так сделайте сейчас.

Пока одна девушка убежала, вторая принялась возиться с камином, я потерла замерзшие ладони и подошла к окну. Вгляделась в темноту, пытаюсь разобрать, какой вид мне достался: на горы или на горы, но ничего не разбиралось.

— Сколько я спала? Три-четыре часа? — поинтересовалась я у горничной. За спиной звякнула кочерга, но все равно не перекрыла хихиканье.

Впрочем, ответила девушка уже без смеха:

— Уже утро, госпожа. Вы спали долго, но мы решили, что проспите еще дольше.

— Почему?

— Потому что, когда Яков спускается с гор, можно проспать хоть весь день!

— Яков? — обернулась я.

— Туман. Так его называют у нас. Он дух горы и день превращает в ночь.

Дух горы? Интересно. А еще более интересно, что после случившегося на корабле во время шторма я не уверена, что это просто такое поверье. Здесь Яков вполне может существовать. Правда обидно, когда твои планы прогуляться и посмотреть на замок снаружи нарушает туман по имени Яков, но что поделаешь.

— И как часто такое бывает?

— Лучше спросите, как часто у нас бывают солнечные дни, как вчера? — хмыкнула она, наконец-то закончив с камином.

— Считай, что спросила.

— Нечасто, — вздохнула она и посмотрела на меня с высокомерием, очевидно, доставшимся от дворецкого.

Не знаю, на что рассчитывали местные: что я начну жаловаться или прикажу паковать вещи? Уйду в горы, жить дикарем, но избавлю их от своего общества?

Уже на моменте моего купания я поняла, что не ошиблась в своих предположениях. Я рассчитывала пооткисать в кипяточке, отогреться и порозоветь до состояния поросеночка, но посинела до Снегурочки — вода оказалась едва теплой. На свой вопрос, почему, получила ответ, что пока воду несли, она остыла. Завтрак вовсе потряс меня до глубины души: в абсолютно невкусной пересоленной яичнице мне попала скорлупа, булочки повара делала вчера, но мне достались те, которые двухнедельной давности, про чай молчу вообще, я даже не стала его допивать.

Я мрачнела с каждой минутой и сама готова была превратиться в туман, который спустится из своей комнаты и всем всыпет по первое число. Поэтому сразу же после такого недоброго утра переделась и велела проводить меня к дворецкому. Очень не хотелось расставаться с халатом, но горничные убедили меня в том, что «так не принято». Замерзшая и злая я плевать хотела на все принято и не принято, но, глядя на их вытянувшиеся лица, поняла, что репутация эксцентричной и властной госпожи — это окей, молва о том, что Искра императора свихнулась — совсем не окей. Поэтому я переделась в лучшее платье Альви и пошла работать над своей властной эксцентричностью.

14

— Я провожу вас в малую гостиную, — сообщила мне девушка, которая еще недавно занималась моей ванной, — а Нина позовет ноа Беркинсона. Когда он освободится, то подойдет к вам.

Мы как раз шли длинными замковыми коридорами. Узкие и высокие окна здесь были словно для красоты. Не было бы здесь так темно, было бы действительно красиво, но благодаря Якову и чьей-то экономии на освещении чувство было такое, что я блуждаю по подземелью. Идущие впереди горничные, каждая из которых несла свечу, только добавляли штрихов к картине под названием «пленница дракона». Но дракон был далеко, а вот дворецкий в одном со мной замке.

— А чем он занят?

Нина повернулась ко мне и поджала губы:

— Делами замка, госпожа. Он очень занятой человек.

Так это же замечательно, что он занят делами: я могу пообщаться с ним «в полях»!

— Не нужно в гостиную, — велела я. — Отведите меня прямо к Беркинсону.

Свет с правой стороны дернулся, метнулся на потолок, вместо того чтобы освещать нам дорогу: Нина чуть не выронила свечу.

— Но он занят, госпожа, — повторила она, словно за нарушение спокойствия дворецкого ее как минимум вышвырнут отсюда без пособия.

— Понимаю, — улыбнулась я. — Обещаю не мешать ему в его делах.

Нина бросила на меня раздраженный взгляд и кивнула другой девушке.

— Май проводит вас в малую гостиную, а я спрошу у ноа Беркинсона, можно ли его потревожить.

Если до этого момента я искренне верила в то, что дворецкий действительно сильно занят, управлять такой машиной — это вам не шутки шутить, то после ее слов в мою голову закрались подозрения, что дела дворецкого мне не понравятся. Да еще и это «потревожить»! Я и так была зла на не самое доброе утро, а теперь не могу нормально поговорить с управляющим персоналом и высказать свои претензии и мысли по поводу улучшения местного сервиса?

— Девушки, вы знаете кто я? — Я добавила в свою улыбку хищности. — Я Искра императора. Я ваша госпожа. Я могу тревожить Беркинсона в любое время, даже если он спит. Поэтому последний раз прошу по-хорошему: отведите меня к нему. Сейчас же.

Они испуганно переглянулись: даже не пытались скрыть панику.

— Я тогда предупрежу его... — попыталась улизнуть Нина, но напоролась на мой внимательный взгляд.

— Это лишнее, пойдем все вместе, — отрезала я. — Ведите.

Мы развернулись и пошли в другую сторону, а я поморщилась. Не хотела пользоваться авторитетом муженька, но что поделаешь? С этих девиц станется водить меня лабиринтами замка, пока дворецкий не закончит свои «дела». А мне очень нужно посмотреть, что это за дела такие! Требующие предупреждения.

Идти оказалось не так далеко, очень скоро Нина остановилась возле одной из закрытых дверей на одном со мной этаже. Бледная девушка глубоко вздохнула и тихо постучала в дверь, едва касаясь дерева костяшками пальцев. Я вздернула бровь: если скажет, что мы не достучались, сама буду тарабанить. Но из-за двери раздался недовольный голос дворецкого:

— Что такое?

— Это Нина, ноа Беркинсон. И...

Она открыла рот, очевидно, для того чтобы сообщить обо мне, но ее перебил сам управляющий:

— Заходи, Ниночка.
Ниночка?

Девушка покраснела так, что при желании могла осветить весь коридор, и толкнула дверь в... спальню. То, что это спальня, я поняла, когда проморгалась: в отличие от полутьмы и холода коридоров, в этой комнате было очень светло и жарко. В по-императорски роскошной комнате, огромнейшей, угловой, с большими арочными окнами, с кроватью с балдахином, с диваном и ковром на всю комнату. Все в любимых бронзовых тонах главного дракона: по-мужски мрачновато, но удивительно гармонично. Обстановка тянула на президентский люкс, не меньше.

Пламя в огромном камине похрустывало поленьями, но, словно этого было мало, в спальне горели какие-то артефакты-пирамиды, напоминающие земные обогреватели для открытых веранд. Они же дарили много красного света: я словно шагнула в обитель солнца и лета. Если бы в этом мире существовали порталы, решила бы, что оказалась, по меньшей мере, в другой стране.

Вишенкой на торте стала бронзовая ванная возле окна. Массивная, с витыми ножками, с горячей водой, о чем свидетельствовал поднимающийся над ванной пар. Хотя вру, самым главным украшением комнаты стал восседающий в ванной дворецкий.

При нашем появлении он подскочил и чуть не перевернул подставку с завтраком: не в пример моему роскошным, как и все в этой спальне. А вот ароматным напитком, судя по запаху, местным аналогом кофе, Беркинсон все-таки облился. Изящная чашка булькнула в ванной. Дворецкий хрюкнул, поднялся, понял, что его сорочка для купаний ничего не прикрывает, и плюхнулся обратно в воду.

— Госпожа, что вы здесь делаете? — Он попытался посмотреть на меня с достоинством, а на девушек уничижительно. Получилось относительно хорошо, потому что сложно выглядеть гордым, когда ты без штанов.

Я прошла по спальне, любуясь лепниной и пейзажами в бронзовых рамках и радуясь, что не захватила с собой халат. Я в такой жаре не вспотела только благодаря тонкому шелку платья Альви.

— Ищу вас, заодно осматриваю замок.

Со стороны могло выглядеть, что я отворачиваясь от дворецкого, потому что так требуют правила приличия. На самом деле я рассматривала спальню, подмечая каждую деталь. Например, то, что Беркинсон не просто решил ванну принять в самой лучшей комнате замка, он здесь жил. Об этом свидетельствовала незастеленная кровать, оставленные на секретере бумаги и валяющиеся на стуле штаны.

— Вам сюда нельзя! — зашипел пунцовый дворецкий.

— Почему? — я наконец-то повернулась к нему.

— Потому что это... — Он осекся, скривился.

— Покои императора, — подсказала я. — И вам тоже сюда нельзя.

Шах и мат. Впрочем, не буду добивать беднягу, по крайней мере сейчас. Мне еще о многом надо у него спросить. Например, о том, почему у него горячая ванная и колбаски с тостами на завтрак, а у меня стылая постель и некрасивый вид на Якова из окна. И почему он живет там, где должна жить я. Не сказать, что я знаток истории, но, кажется, персонал всегда жил на своем, отдельном этаже. Дворецкий не был исключением.

— Значит, так, — обратилась я к управляющему, который от злости не смог и одного слова подобрать, — я, как Искра императора, переезжаю в эту комнату. Прикажите перенести сюда мои вещи. А затем подайте нормальный завтрак в малую гостиную или туда, где мы сможем обсудить управление замком и условия моего здесь пребывания. Если там холодно, пусть туда перетащат один из этих артефактов, у меня нежное здоровье, мне нужно тепло. Вы же

не хотите лично сообщать ару Эрхольду, когда он сюда прилетит, что я заболела и замерзла до смерти?

Дворецкий поперхнулся воздухом и посерел. Замотал головой. А я мысленно сделала себе пометку, что дракона везде бояться.

— Отлично, — кивнула я. — Жду вас в малой гостиной.

Спальню я покидала с пониманием, что управление замком нужно начинать с инвентаризации. Потому что и артефактов, и еды, здесь, кажется, хватало. А вот вопросов к управляющему было много.

15

Мне повезло, что в своей прошлой жизни я занималась организацией праздников с разным размахом и бюджетом. Я была тем человеком, который все это контролировал и за все отвечал. Доставили ли торт? Какого стендапера пригласить на день рождения биг босса, чтобы бюджета еще и на праздничный фейерверк хватило? Как разрулить скандал между главным бухгалтером и коммерческим директором, которые не желают сидеть за одним столом? Я была связующим звеном между заказчиком и подрядчиками, и сейчас все эти навыки, весь мой многолетний опыт Аглаи, которой я была прежде, сильно пригодился мне как Альви.

Мне повезло, а вот Беркинсону нет. Он решил, что если меня переселить в самую крутую спальню замка, я просто обрадуюсь и дальше не пойду. Опрометчиво с его стороны.

Вторым моим требованием после переезда и плотного горячего завтрака было провести экскурсию по всему замку.

— По вс-сему? — Дворецкий даже заикаться начал, когда я ему озвучила, что хочу знать, где буду жить.

Судя по виду Беркинсона, о таком его не просил даже император. Но мой драконий муж, видимо, дворецкому доверял. Или, скорее, ему доверял тот, кто Беркинсона здесь назначил, сомневаюсь, что императора волновало, кто и как управляет в одном из его дальних замков. Он всем боссам босс, а есть начальство поменьше, вот оно Беркинсона здесь поставило и про-считалось.

— По всему, — подтвердила я. — Но больше всего меня интересуют наши ресурсы и их распределение.

Мы начали с кухни и запасов еды. Так я снова познакомилась с Жульеной, которая здесь была шефом. Первое впечатление, конечно, стереть не получилось, и мне хотелось бы быть непредвзятой, но не вышло. Она не простила мне мальчика, которого считала вором, я не могла забыть издевательство над ребенком и испорченный завтрак. Поэтому повторное знакомство вышло холодным, но погребов и мешков с мукой и крупами она показала мне сразу.

Правда, тут же возникла вторая проблема: я не знала количество персонала, поэтому не могла сделать выводы, много у нас запасов или впритык. Лишь оценить разнообразие: здесь были и мясо, и молочка, и яйца, и всякие соленья и копчености. Последние доставили с корабля.

Следующим шагом было знакомство со всеми слугами: я помнила, что их немало, меня интересовало только, чем занимаются все эти люди. Часть из них работали на кухне и помогали Жульене. Горничные и лакеи следили за чистотой замка, подавали еду, конюхи работали на конюшне.

— А где экономка? — поинтересовалась я, не без помощи Альви вспоминая еще одну важную должность.

— Она стала слишком стара для выполнения своих обязанностей и сейчас живет в деревне на побережье, — ответил Беркинсон. — Теперь я выполняю эти обязанности.

Наэкономил он хорошо, подумалось мне. Мы еще не весь замок обошли, а я уже поняла, что он больше напоминает склеп, чем дом. Отправляться сюда в последний путь — самое то, а вот жить... Жить тут можно только обложившись пирамидками-обогревателями. Или я смогу найти компромисс? Чтобы всем стало максимально уютно.

Сделав себе мысленную пометку съездить в нижнюю деревню и заручиться помощью экономки, может, обо всем ее расспросить, я попросила отвести меня к артефактам.

Надо было видеть лицо дворецкого, когда я сообщила о том, что теперь мы будем их использовать в гостиных и в холле, и везде, где работают люди. Распределим по уму. Естественно, он тут же встал в позу.

— Это расточительно, госпожа! Вы сказали, что у вас хрупкое здоровье. Мы заряжаем артефакты раз в пару месяцев, если они разрядятся, то вам не хватит, и вы просто замерзнете.

— А это уже ваша обязанность распределить их так, чтобы хватило и на меня, и на всех остальных. Например, держать их на кухне не целесообразно: там есть печи, и тепло сохраняется без артефактов.

Беркинсон пыхтел, но принимал мои условия. К вечеру все пирамиды, которых оказалось даже больше тех, что я успела увидеть в спальне, перетащили в гостиные, где убирались и чистили каминные горничные, и на конюшни, для конюхов и лошадей. С лошадьми я до попадания в этот мир сталкивалась исключительно в парках и видела их в кино, но животных любила и понимала, что им тоже необходимо тепло.

Каминные и печи тоже теперь топились вовсю. За день, как мне показалось, даже весь замок ожил, зашуршал, наполнился светом и теплом. Правда, к вечеру я снова была выжатым лимончиком. С этим тоже нужно было что-то делать.

Как Альви вообще жила и не падала в обморок от усталости от простых дел? Может, потому что она не пыталась управлять замком? И не спорила весь день с ушлым дворецким! Она сидела в своих комнатах, гуляла по парку и ждала императора. Ты такой жизни для себя хочешь, Аглуш? Нет? Тогда вперед! Занимайся благоустройством, между прочим, собственного замка. Дракон сослал тебя сюда навсегда. Так сделай это место своим домом!

С такими жизнеутверждающими мыслями я решила, что сегодня меня хватит только на нормальную ванну в новых покоех.

Память Альви снова меня легонько пихнула.

— Мне нужна камеристка, — сообщила я дворецкому.

Моя личная горничная и первая ассистентка. Та, что будет представлять меня перед остальным коллективом и отстаивать мои интересы. Та, которой я смогу доверять. Не как Анаста. Но как в этом серпентарии выбрать ту, что будет работать на меня, а не на дворецкого и повариху?

— Я рекомендую выбрать Нину или Май, — посоветовал Беркинсон. — Они прекрасные девушки и прекрасно справляются со своей работой.

Я скептически приподняла бровь. Может, они и прекрасные, но я уже смогла убедиться в том, что ни с чем они не справляются. Нужен кто-то другой.

Мой взгляд упал на девушку в чепце, которая убирала со стола. Ужин для меня приготовили по-императорски вкусный и красивый. Я видела эту девушку сегодня на кухне, но запомнила ее еще вчера, когда она неосознанно подсказала мне идею насчет «наказания» мальчишки.

— Ты знаешь Пита? — обратилась я к ней.

Я успела привыкнуть к тому, что персонал здесь смотрит в глаза и вообще достаточно наглый. Во дворце недомука все опускали глазки в пол, даже его Искра. Но эта девушка смотрела на меня не заносчиво, а с вежливым любопытством. Это хорошо, таких, как Нина, я рядом с собой не потерплю, а зашуганная мышка для должности не подойдет.

— Я выросла в том же приюте, госпожа.

— Справишься с работой моей камеристки?

Я предупреждающе подняла руку, когда дворецкий захотел вмешаться, но девушка не растерялась и сделала книксен.

— Для меня это огромная честь, госпожа.

Оказалось, что мою новую камеристку зовут Ханна, и за всю следующую неделю в Лавуале я ни разу не пожалела, что забрала ее к себе. Ханне недавно исполнилось восемнадцать, но в замке она работала больше трех лет. Помогала на кухне, выполняла грязную работу и стояла на нижней ступеньке местной служебной иерархии. До своего нового назначения, естественно. Ханна такую привилегию оценила по достоинству, и у меня были и горячая ван-

ная, и выглаженная одежда, и даже шерстяная накидка. Последняя появилась в моем гардеробе, когда я перед сном высказала идею прогуляться в верхнюю деревню и посетить приют. Сегодня Яков решил наконец-то отступить, и на улице выглянуло солнышко.

— Вы не смотрите, что это шерсть, госпожа Альви, — вручила мне накидку Ханна. — Ваши курточки превосходны, но они морозным днем не согреют.

Ярко-бирюзовая накидка была из такой мягкой шерсти, будто я гладила котика. Достаточно тонкой, но удивительно теплой. Примерив обновку, я поняла, что это какое-то чудо. Как этот тонюсенький материал может так греть?

— Откуда это?

— Подарок от моей сестры по приюту. Она работает в нижней деревне и вяжет и тклет одежду для местных.

— Почему оно такое тонкое и такое теплое?

— Вам рассказывали про Якова? — поинтересовалась Ханна и после моего кивка продолжила: — Говорят, наши горы с магией. Вот и шерсть кроликов обладает такими чудодейственными свойствами.

Фантастика!

Но почему я о таком не слышала? Ладно я, порывшись в памяти Альви, я поняла, что она тоже про эту шерсть слышала впервые.

— В столице разве не знают про этих кроликов?

— Знают, — кивнула Ханна. — Сюда люди ара Эрхольда приезжали, увозили много шерсти с собой и даже кроликов. Но вот в чем штука: стоило тюкам с шерстью покинуть местные воды, так вся магия тью-тью. Исчезала без следа! Только здесь, в Лавуале, эта накидка будет греть, уедете отсюда, станет простой тряпочкой.

— Очень жаль, — я не стала скрывать своего разочарования. Такую шерсть можно было продавать в столицу и зарабатывать себе на жизнь. Жить на «алименты» мужа я не собиралась. Которые и вовсе не алименты. На содержание замка он что-то выделяет, но вряд ли расщедрится на Искру, которая ему даже наследника не родила!

Но Ханна подала мне другую идею: надо бы задуматься, чем мне здесь заняться, и на что вообще жить. Этот мир, конечно, интересный и с магией, но я-то тоже не из отсталого. С шерстью не получилось, но может получиться с чем-то другим.

Надев варежки и кутаясь в теплую накидку с капюшоном, я в приподнятом настроении покинула замок через парадный вход. Мороз щипал за щеки, ярко светило искрящееся на снегу солнце, и я подумала, что, с магией или без, изобрету солнцезащитные очки. Но даже без них мои глаза широко раскрылись, когда я смогла рассмотреть открывшиеся моему взгляду пейзажи. В первый день я слишком устала и хотела прилечь, потом Яков спустился с гор, но сегодня я была полна сил, чтобы оценить красоты Лавуала и сам замок по достоинству.

Видимо, когда-то здесь была внешняя стена, защищающая внутренние строения замка, но ее снесли, а вот красивый каменный мостик остался. Дорога, выложенная брусчаткой, вела вниз, где в ладонях гор с белоснежными склонами виднелись каменные и деревянные домики с заснеженными крышами, попыхивающие дымовыми трубами. Это была настоящая альпийская деревня, словно сошедшая с рождественских открыток.

Настоящий зимний курорт!

Ханна и Арчибальд, выделенный Беркинсоном лакей, кажется, не успевали за мной. Правда, они несли две корзины для приюта. Я бы тоже что-нибудь с собой прихватила, но для тела Альви даже такая прогулка была подвигом. Ничего, буду ходить в деревню каждый день — привыкну. Стану сильной. Во всех смыслах.

Верхняя деревня вблизи впечатлила меня еще больше. Я откровенно пялилась, не скрывая своего восторга. Ханна только усмехалась, а Арчи... он был из свиты Беркинсона, поэтому по его лицу сложно было понять, что он думает. В замок мы вернулись на закате, я всю дорогу

оборачивалась и рассматривала красное небо и такие же покрасневшие верхушки многовековых сосен. Уже почти стемнело, когда мы поднимались по ступенькам парадного входа. Ждал нас до невозможного счастливый Беркинсон.

Когда я увидела улыбку дворецкого, искреннюю и самодовольную, сразу же заподозрила нехорошее. Хотя был еще вариант, в котором у него перестали болеть зубы.

— Добрый вечер, госпожа, — почти пропел Беркинсон, причем очень странно выделил обращение. — Вас ожидает гость.

— Гость? — Я стянула накидку и отдала ее Арчибальду, моими стараниями в замке теперь было жарко.

— Да, доктор Вайт. Вы с ним разминулись, когда решили посетить деревню.

— Доктор? — я нахмурилась. — Зачем мне доктор?

— Он вам все расскажет, — гаденько усмехнулся дворецкий. — Я провожу.

Я оглянулась на Ханну, которая, кажется, тоже ничего не понимала, но пошла следом за Беркинсоном.

Доктор Вайт ждал меня в большой гостиной на первом этаже, пил чай возле камина. При моем появлении он поднялся и поклонился мне. Я же отметила, что он полностью соответствует своей фамилии, похож на Деда Мороза.

— Добрый вечер, госпожа Альви, — поприветствовал меня доктор и объяснил свое появление здесь: — Я приехал, чтобы подготовить вас к извлечению искры.

Часть 2. Обреченная искра. 1

После его слов мне сразу стало понятно, почему Беркинсон выглядит как объевшийся крокодил. Другого сравнения мне в голову просто не пришло. Разумеется, ведь если из меня извлекут искру, это значит, что супруг не просто на меня разозлился, а вышвырнул из своей жизни. Учитывая, что скоро у него появится новая Искра... Анаста!

— Не скажу, что он добрый, — чуть резче, чем планировала, ответила я.

Впрочем, доктор не выглядел злодеем, напротив, он казался искренне расстроенным.

— Простите, что не приехал раньше, — произнес он, потирая густую бороду. — Произошло недоразумение. Письмо его императорского величества должны были передать с вами, но моряки забыли и не придумали ничего лучше, как отправить мне его местной почтой. Пока оно до меня добралось снизу... словом, у нас здесь все не так быстро, как хотелось бы.

— Вы живете здесь? — уточнила я, присаживаясь к камину. Доктор опустил следом за мной.

— Да, наверху. Я помогаю и наверху, и внизу, просил прислать второго доктора, сами понимаете почему, но никто не хочет сюда ехать. Пришлось обучить пару талантливых ассистентов, и теперь они живут в поселке у моря, на всякий случай. Чтобы если что-то экстренное, помогли людям продержаться, пока я спущусь.

Да, медицина здесь тоже требует инвестиций и реформ. Но сейчас не до этого. Сейчас надо разобраться с извлечением искры, почему к ней надо готовиться, и прочая, прочая, прочая.

— Расскажите мне все о процедуре, которая мне предстоит, — произнесла я. — Я хочу знать все в мельчайших деталях. Все возможные осложнения, последствия, как этого избежать, и так далее.

— Собственно, за этим я здесь. Но не думаю, что мне стоит пугать вас осложнениями...

— Стоит, — сказала я. — Как раз этим и стоит. Я привыкла просчитывать риски, и мне нужно понимать, к чему готовиться.

— Хорошо, — доктор развел руками. — Налить вам чай?

Только сейчас я поняла, что после моего возвращения к нам не заглянул никто из слуг, и, хотя сервировка была на двоих, позаботиться обо мне никто не спешил. Видимо, слухи об извлечении искры уже разошлись по замку (Беркинсон постарался), и теперь все придется начинать сначала. Я имею в виду, выстраивать отношения с теми, кто меня ни во что не ставит!

— Да, пожалуйста, — я кивнула, и доктор подхватил дымящийся пузатый чайник. Налил, подвинул ко мне чашку, а мне вдруг так обидно стало!

Из-за всей этой ситуации, из-за того, что приходится постоянно сражаться с оборзевшими слугами! Из-за этого злобного самодура и Анасты! Прямо слезы на глаза навернулись, хотя я раньше никогда таким не отличалась, да и вообще, работала с самыми разными клиентами и решала самые разные конфликты!

— Спасибо, — получилось немного в нос.

— Ну, не расстраивайтесь раньше времени, — пробормотал доктор. — Я сделаю все от меня зависящее, чтобы все прошло хорошо. Во-первых, я принес вам укрепляющие зелья. Для иммунитета, его надо пить утром и вечером, строго натощак.

Он поставил саквояж на колени и достал первый пузырек. Достаточно большой, из темного непрозрачного стекла.

— Во-вторых, для зрения. Это нужно принимать после обеда, запивать достаточным количеством воды. — Этот пузырек был поменьше, внутри пузырилась какая-то голубоватая

жидкость искрами магии. — И последнее общеукрепляющее, так называемый солнечный эликсир. Его принимаете просто четыре раза в день.

Флакон с солнечным эликсиром и правда светился, как будто туда залили крохотное солнце.

— Раз в неделю я вас буду осматривать и приносить вам новый запас зелий. Буду проводить общее магическое укрепление, тоже раз в неделю. Что еще могу рекомендовать: прогулки на свежем воздухе — когда, разумеется, Якова нет. В целом, это все.

Я посмотрела на флакончики, потом на доктора.

— Вы забыли рассказать об осложнениях, — напомнила я.

Хотя судя по тому, что мне тут выставили, меня ждет снижение иммунитета, потеря зрения и полная слабость после того, как император заберет себе свою искру, будь они с ним на пару неладны!

— М-м-м... да. Ну начнем с того, что таких случаев в истории было не так уж и много, поэтому какие-то выводы делать сложно.

— А что это были вообще за случаи?

— Первый, когда м-м-м-м... Искра изменила своему супругу. И он изъясил ее сразу без подготовки. К сожалению, женщина погибла.

— Ужасно, — мне сразу расхотелось продолжать экскурс в историю. — Давайте лучше в общем.

— В общем все зависит от силы изымаемого пламени и от здоровья девушки. Из осложнений могу отметить пошатнувшееся здоровье, повышенную утомляемость, быстрое старение, ну и невозможность иметь детей в будущем. Из обязательного: то, что мы с вами, увы, предотвратить не сможем, душевная нестабильность.

То есть вариантов у меня не так уж и много: я либо уйду в мир иной (и вряд ли мне выпадет еще один шанс), либо становлюсь депрессивной Альви с кучей сопутствующих болячек, плохим зрением и морщинами. Буду сидеть в своей неотапливаемой комнате (после извлечения искры вряд ли со мной станут церемониться) и выть на Луну, пока Яков завладевает окрестностями.

Ну уж нет! Не дождетесь!

В моем мире все лечится физическим трудом и спортом, ну и БАДы от Деда Мороза, то есть от доктора Вайта тоже не помешают. К тому времени, как прибудет мой дорогой супруг, я буду готова.

— Позвольте, я вас просканирую, — произнес доктор. — Мне нужно зафиксировать ваше общее состояние, и, пожалуй, сразу проведем магическое укрепление. Мы с вами и так потеряли неделю, а у нас всего два месяца.

Да, и магическое укрепление тоже не помешает.

Пока доктор ходил вокруг меня, а меня то пощипывало, то покалывало, то согревало, я составляла себе график дополнительных процедур. Утро можно начинать с пробежки вокруг замка, хорошая такая тренировка получится. Перед обедом — чередовать йогу, кардио и силовые. А вечером перед сном — легкая расслабляющая коррекционная тренировка. Чтобы лучше спалось.

Пока я все это продумывала, ощутимо приободрилась, и на заметное сожаление в глазах доктора стало уже не так страшно смотреть. А доктор... ну что доктор!

Просто он не знает, на что способны девушки с Земли!

2

Попрощавшись с доктором, я поднялась в свою новую спальню. Вспоминая «теплый» прием слуг, я не удивилась бы, что оттуда вынесли все артефакты или все мои вещи, а меня саму теперь переселили на чердак. Но спальня встретила меня ярким светом и горячей ванной. И Ханной.

— Я принесла ужин, госпожа Альви, — сообщила мне девушка, указав на столик с креслом возле окна. — Поедите, чтобы совсем не остыло? Или сначала хотите погреться? Я тогда принесу вам другую еду.

Рвению Ханны я не удивилась: она старалась с тех пор, как я назначила ее своей камеристкой. Меня, скорее, удивило, что она продолжала относиться ко мне как к госпоже, а не к Искре, которую скоро отправят на пенсию. Ведь новости наверняка дошли и до нее.

— Не нужно другую еду, — я покачала головой и попросила: — Просто сделай мне еще горячий чай. Если не сложно.

— Почему мне должно быть сложно? — улыбнулась девушка. — Вы лучшая госпожа.

— Разве Беркинсон не обрадовал всех «прекрасными» новостями? Император хочет забрать мою Искру.

— Слышала, — призналась Ханна. — Вся прислуга об этом судачит.

— И что об этом думаешь ты? — Мне было важно знать, на чьей она стороне. Я понимала, если Ханна передумает быть моей камеристкой, я расстроюсь, но переживу. Главное сразу все узнать.

— Очень нечестно с его стороны, — выпалила она и покраснела. — Так с вами поступать.

— Со стороны Беркинсона? — вскинула бровь я.

— Императора. Вы не заслужили этого, госпожа Альви.

Я сжала склянки, которые мне дал доктор, и решила быть до конца честной:

— Я сделаю все, чтобы остаться собой после этой магической процедуры, но пока будет сложно. Если хочешь, ты можешь уйти сейчас.

Ханна обиженно поджала губы:

— А вы ушли, госпожа, когда Жульена поймала Пита? Мы своих не бросаем!

Ничто так не придает сил, как поддержка. Знание, что ты не одна. А я в эту самую минуту осознала, что Ханна на моей стороне. Во мне просто не хватило сил и благородства ее прогнать.

Меня быстро усадили в кресло, открыли крышку, которая закрывала большое блюдо. Там оказался огромный кусок красной рыбы на гриле и овощи. Много овощей. В желудок Альви при всем желании такое бы не влезло, но она не собиралась выжить во время извлечения искры и не сойти с ума. А я собиралась не просто выжить, но еще и после жить долго и счастливо. Поэтому съела все до последнего кусочка, предварительно выпив все необходимые зелья от доктора.

Ханна посмотрела на меня одобрительно. Потом была ванна, в которой я после непривычно сытного ужина едва не уснула. Оказывается, на дне бронзового гиганта были специальные артефакты, которые помогали настроить и поддерживать нужную температуру. Камеристка за всем следила, вытащила меня оттуда через полчаса, помогла переодеться и усадила на постель, расчесывать волосы и заплетать косы. В прошлой жизни длинные волосы у меня были разве что в детстве, поэтому мне с ними было непривычно, но и стричь их не хотелось: у Альви они были густыми, блестящими, красивыми. У меня на такую красоту рука не поднималась.

— Какие у вас планы, госпожа?

— Тренироваться, — честно призналась я. — Доктор сказал, что у меня должно быть сильное тело. Но его можно укрепить не только с помощью зелий. Кстати, о них... Спрячь их так надежно, чтобы никто другой не нашел.

— Уже, госпожа Альви, — довольно усмехнулась моя союзница. — А «тренироваться» — это как? С магией?

Я вспомнила, что случилось на корабле во время шторма, и подумала, что хорошо бы научиться призывать искру. Это ведь она защитила тогда всех от стихии? Может, тогда я смогу не возвращать ее императору. Хорошо бы...

— Это физические упражнения, — объяснила я, вовсю зевая. — Буду бегать. На улице.

Что мне ответила Ханна, яне помнила, потому что эту елочку окончательно срубило. Я провалилась в сон и снилась мне моя искра, прогоняющая Якова со склонов. А утро началось не с кофе.

Я столкнулась с проблемой всех начинающих бегунов под названием «не в чем бегать». У Альви были юбки и ни одного брючного костюма. Но и тут мне помогла моя помощница, выслушав меня и быстро притащив мне собственные штаны с начесом.

— Я надевала эти гамашы до того, как вы велели топить замок. Чтобы не замерзнуть, пока чищу камин. Они из той же шерсти, что и накидка.

«О, легинсы!» — обрадовалась я, но пообещала, что сегодня же схожу в деревню и куплю себе собственные. Ботинки заменили кроссовки, сверху пригодилась курточка, которую местные леди надевали поверх платья, и я была готова к тренировке.

Из замка я выбежала часов в десять. Яков сегодня не напознал, и ярко светило солнце. Я размялась, поприседала и сделала кружок вокруг замка. Учитывая, что замок был немаленький, то и тренировка вышла хорошая. Быстро и качественно побегать у меня, правда, не получилось. Тело Альви тут же отзывалось одышкой и темными мушками перед глазами, но я сильно не усердствовала, ограничилась быстрой ходьбой. Мне же не убится нужно, а здоровья набраться. Думаю, без чудо-зелий доктора здесь тоже не обошлось, они дарили бодрость, но не изматывали, как, например, энергетики.

После тренировки я решила ограничиться растяжкой, уже предвкушая, как завтра меня раскорячит от боли в мышцах, которые никогда не знали пилатеса, и отправилась завтракать. Оказалось, Ханна отвоевала мне жареные колбаски с яичницей, тосты с маслом и свежие ягоды. Последние, по словам девушки, росли в Лавуале под снегом, и им также приписывали разные волшебные свойства. Недоказанные, но все-таки. На мой вопрос, как ей удалось все достать, Ханна отказалась признаваться.

— Вы свою голову этим не занимайте, госпожа Альви, — получила я в ответ. — Лучше, пожалуйста, выживите и покажите здесь всем, кто настоящая хозяйка.

После завтрака я отправилась в библиотеку и просидела там до обеда, в поисках информации про драконов и их искр. Мне не давал покоя момент: зачем муженек так торопится извлечь из Альви свой огонь. Хочет поскорее на тот свет отправить? Что ему мешает задохнуться в Анасту новую искру, а меня оставить в покое?

Оказалось, что мешает сама искра. Моя.

Я провела в библиотеке много часов. Здесь вообще, кажется, все книги были про драконов и про страшилки, о которых умалчал доктор. Что искры умирали сразу или не сразу, сходили с ума и теряли молодость. Но в одном из ветхих талмудов я нашла интересный факт. У дракона может быть только одна Искра в один промежуток времени: он просто не сможет перенести свое пламя в другую девушку, пока искра уже «обрела сосуд». В книге так было и написано «сосуд», чувства самой Искры не учитывались.

Это означало, что от процедуры мне не отмахаться, и отсрочку мне никто не даст. Если дракону нужна искра для Анасты, то он прилетит ко мне в срок и заберет мою магию. Хотелось бы верить, что только магию. А не жизнь.

3

Не знаю, что бы делала Альви, я же развила бурную деятельность. Помимо упражнений и приема зелий, я не оставляла себе ни единой свободной минутки. Если при первом знакомстве директриса приюта отнеслась ко мне с недоверием, то в конце второй недели моего пребывания в Лавуале мы разговорились. Немалую роль в нашем сближении сыграла и Ханна: женщина, которая работала здесь, выпустила ее, как и многих других детей, от которых отказались родители. Сначала мы сошлись на разговоре о моей камеристке, потом — на Пите.

— Он неплохой мальчик, — сказала она. — Просто считает, что в замке шикают, пока мы тут голодаем. Конечно, это не оправдание, и мы его наказали, лишили сладкого, которое даем на выходных, но он не со зла. Он никогда не воровал деньги или ценности, никогда не обижал слабых. Да у нас здесь все ребята хорошие.

Я не стала говорить, что некоторые и правда шикавали, тем более что вопрос был решен: с Питом мы исправно отправляли продукты в приют три раза в неделю, и никто в замке не умер от голода. Жульена при этом, правда, смотрела на меня так, словно была не прочь сыпануть мне в завтрак крысиного яда, но пока ничего не предпринимала. Хотя в ее глазах я нет-нет да и читала торжество: вот прилетит император, заберет твою искру, и тогда мы посмотрим. Но то ли я сразу успешно вправила всем мозги, то ли что-то еще, открыто нападать на меня пока все опасались. Хотя и шипели по углам.

В связи с чем я подготовила проект по кадровым перестановкам: присмотрела во время визитов в деревню повара, неплохого управляющего (местного нотариуса), Ханна подготовила и принесла мне список мужчин и женщин, которые бы с радостью нанялись на работу в замок. После такого даже шипеть перестали, не говоря уж о чем-то большем. Все, кроме Нины, Май, Жульены и Беркинсона, но с ними и так все было понятно: неисправимы. Есть такой тип людей, которые ненавидят окружающих просто потому, что они ходят рядом, завидуют всем и всему, и гребут, гребут, гребут, как будто у них четыре рта и три сраки.

— Нам бы только чуть побольше возможностей, — продолжала разговор пожилая женщина. Она отработала здесь более пятидесяти лет, а на пенсию уйти не могла, потому что ей до сих пор не подыскивали замену. С воспитателями здесь тоже было туго: никто не хотел ехать в Лавуаль, слишком далеко добираться. Да, красиво, но зимой опасные шторма и пара недель пути, который может плохо закончиться, да и летом мало кому хотелось оказаться на краю земли. По крайней мере, именно так считалось.

Поэтому в приюте работали в основном местные, и тоже бессменно. Почти все воспитатели и воспитательницы были немногим младше директрисы. Молодое поколение не особо стремилось работать здесь: многие уезжали, кто-то сразу и родителей забирал, кто-то устраивался на работу в других городах и столице и ждал, пока поднакопит денег.

Но была и еще одна причина. Среди тех, кто выбирал остаться в Лавуале.

— Молодежь не хочет идти работать, потому что не хотят связываться.

— Связываться с кем? — изумилась я. — С брошенными детьми?

— Они же не совсем обычные дети... ах, я вам не рассказывала. — Директриса всплеснула руками. — Запомнятовала, наверное. Большинство из них со знатной кровью. Их привозят с Большой земли, чтобы о них точно никто не узнал. Богатые развлекаются, появляются такие вот дети, и, как только они рождаются — их сразу к нам. Никто из них не знает о таком, разумеется.

Я широко распахнула глаза. Да, кажется в этом мире я еще многому буду удивляться. Хотя логика в этом была, в смысле, в том, что приют, несмотря на такую удаленность от мира, все еще работал. При пяти тысячах общего населения (наверху и внизу) вряд ли было столько

желающих отказаться от своего малыша. Детей же здесь было тридцать восемь, и сейчас я посмотрела на ситуацию совершенно под другим углом.

— Это ужасно, — сказала я.

Ужасно, потому что одно дело — отказаться от ребенка, когда у тебя нет возможности о нем позаботиться. И совсем другое дело — сослать его на край света, чтобы скрыть свою интрижку.

— Ну, не все так плохо, — пожилая женщина улыбнулась. — Все-таки мы о них заботимся. Даем им крышу над головой, еду, воспитание, образование и любовь, насколько хватает сил. Всяко лучше, чем они жили бы при матери или отце, которым они не нужны.

В этот момент я снова ощутила себя абсолютно бессильной. За время моего пребывания здесь я так и не нашла, чем можно заняться, чтобы хоть как-то себя обеспечить. Чтобы, когда из меня извлекут искру, временно переселиться из замка в постоянно пустующий постоялый двор верхнего поселения. Пока я не найду способ обеспечивать себя на постоянной основе.

После же слов директрисы я поняла, что им очень сильно не хватает финансирования. Она не сказала прямо, ни о чем не просила, но это ее «насколько хватает сил» выдало пожилую женщину с головой. Выходит, воспитатели и она практически из своего кармана кормят и одевают ребят. А у меня даже на содержание замка денег нет: они есть только у Беркинсона. Которые ему напрямую перечисляют из столицы от драгоценного супруга. Согласно договору, только он может ими распоряжаться, и даже я, как пока еще, на минуточку, Искра, не имею права получить к ним доступ. Потому как неже женщине голову себе таким забивать.

Сиди себе, вышивай крестиком и не путайся у мужчин под ногами.

Р-р-р!

— А давайте устроим детям праздник? — предложила я.

— Праздник? Это какой же? — настала очередь директрисы удивляться.

— Катания, — здесь было много склонов, в том числе и коротких, неопасных отрезков, — игры с конкурсами и призами, вкусные перекусы.

На организации праздников я дракона съела, так что должно получиться весело! И детям на радость. Если я пока могу это, значит, сделаю это!

— Ох, хорошо бы! Нам всем не помешает развеселиться. Вот только я не наберу столько воспитателей, чтобы за всем следить. Да и мне самой уже тяжело...

— Я этим займусь, — успокоила я ее. — И организацией, и питанием, и призами. Привлеку очень хороших людей, чтобы помогли обустроить все безопасно. Вы же доверяете Ханне?

— Ханне... да, конечно! — растроганно произнесла женщина, поправляя седые волосы.

Ханна, Арчибальд, воспитатели из приюта, я... думаю, нас хватит на всех. Особенно если все правильно выстроить, грамотно и безопасно.

— Так что сейчас нужно только ваше разрешение, — подвела итог я.

— Разрешение? — еще больше растрогалась директриса. Как будто раньше думала, что я ей приказывать буду. С другой стороны, если ей доводилось общаться с кем-то из замка, например, с Беркинсоном, ничего удивительного. Директриса повздыхала, поохала, но в конце концов добро на подготовку праздника все-таки дала.

— И откуда вы только такая взялись? — спросила она, когда я уходила.

Из другого мира.

— От императора, — ответила я. — Не разглядел бриллиант, пусть теперь хвост кусает.

Я-то сказала в шутку, а вот директриса, кажется, приняла все всерьез: глаза ее за линзами очков стали большими-большими. Я же про себя подумала, как бы под этим самым хвостом подгорело, если бы он такое услышал. Подумала — и забыла.

Настроение у меня сейчас было отличным, потому что мне предстояло готовить для детей праздник!

4

Детально обсудив детский праздник с директрисой приюта, я погрузилась в свою любимую стихию. Было решено перенести все активности на площадку возле замка. Во-первых, неподалеку был идеальный пологий склон для развлечения малышей и горка для подростков. Во-вторых, я могла напрячь слуг для украшения площадки. В-третьих, угощения мы собирались готовить на замковой кухне. По моей задумке это должна была приготовить повариха с помощницами, но мне внезапно объявили бойкот.

— У нас и так мало продуктов, — встала в знакомую позу Жульена, — а вы хотите отдать их этим малолетним преступникам!

— У нас достаточно продуктов, — осадила ее я. — А если не хватит, Беркинсон всегда может заказать еще из нижней деревни.

Она вообще видела этих «преступников»? Эти малыши, такие же, как и остальные дети. Разве что покинутые, мечтающие о маме и теплом крове. Маму я дать каждому не смогу, но смогу дать им праздник и подарки.

Дети вызывали у меня щемящую нежность, а вот Жульена лишь раздражение. Будь я владелицей замка, выгнала бы ее тот же час, но пока персоналом и бюджетом занимался Беркинсон, я этого сделать не могла.

— Вы нас по миру пустите! — прошипела повариха. — Не готовила для вас и сейчас не буду!

Она стянула с себя фартук и, бросив его на стол, вышла из кухни. Ее помощницы с отчаянием посмотрели ей вслед, но остались на своих местах. Все-таки у Жульены была «крыша» в виде дворецкого, а у них нет.

— Что значит «не готовила»? — поинтересовалась я у стоящей рядом Ханны.

— Оговорились, наверное, — пожала плечами камеристка. — А давайте сами все сделаем! Я знаю один интересный рецепт!

— Даже не сомневаюсь, — я скептически приподняла бровь. — И не один, судя по всему. Не хочешь мне ничего рассказать?

Ханна поняла, что я обо всем догадалась и призналась:

— Это я готовлю вам завтраки и ужины.

— И обеды тоже, — подсказала я.

— И обеды. — Ее плечи поникли, будто я собиралась ее отчитывать. А я готова была расцеловать ее в обе щеки.

— Зачем мне помощь поварихи, которая даже яичницу приготовить не может? — хмыкнула я, вспоминая свой первый завтрак здесь, и повернулась к двум другим девушкам. — Я хочу подарить детям праздник, согреть их маленькие сердца. Если вы поддерживаете мою идею, оставайтесь. Если нет, можете уйти за Жульеной, я не стану злиться или кому-либо на вас жаловаться.

Девушки переглянулись, а потом старшая шагнула вперед и кивнула мне.

— Мы работаем на кухне, госпожа. Скажите, что мы должны делать, и мы все сделаем.

— Мы тоже хотим праздник для детей, — тонким голосом добавила вторая помощница. Я посмотрела на Ханну, и камеристка широко улыбнулась.

— Приступим! — скомандовала она, надевая свой фартук.

Работа на кухне закипела. До самого вечера девушки пекли печенье и пряники, рыбные пироги и творожные рулеты, делали яблоки в сахарном сиропе и паковали подарки в красивые бумажные пакеты. Оказалось, Виола, младшая из помощниц, попала сюда из нижней деревни благодаря своему художественному таланту. Обычно она украшала и разрисовывала торт, кото-

рый готовили в честь визита ара Эрхольда. Поэтому наши пряники выглядели кондитерскими шедеврами: здесь были и снежинки, и санки, и символ Лавуале — кролики.

Я бегала между кухней и двором, где под руководством Арчи лакеи и конюхи развешивали яркие флажки и гирлянды. Расставляли пирамиды-артефакты рядом со столами, где можно было посидеть, покушать и при этом не посинеть. Постепенно, все слуги увлеклись моей идеей: как по цепочке все больше и больше персонала подключалось к созданию праздника. Конюхи захотели показать простые трюки с лошадьми, один из лакеев вызвался побыть жонглером, горничные обещали рассказать сказки малышне.

Замок ожил, словно мы ждали появления дракона, только без дракона. Тем более что на улице светило яркое солнышко, а на душе было тепло. Пару раз на горизонте появлялся Беркинсон, и я, если честно, ждала от него какую-то пакость. Уверена, он очень хотел, чтобы я села в лужу. Но, к счастью, эта оса пока не показывала жало. Хорошо это или плохо, я не знала. Когда мы в очередной раз столкнулись, он расплылся в гадкой улыбке и произнес:

— Молите всех кого можно, госпожа, чтобы завтра с гор не спустился Яков. Что-то его давно не было, самое время появиться.

Накаркал!

Проснувшись я в кромешной тьме: Яков накрыл горы, не позволяя ничего рассмотреть сквозь густую пелену. Сани, конечно, проедут, и детей, мы, допустим, привезем, а дальше? У меня все активности на свежем воздухе! О том, чтобы перенести праздник, тоже речи не шло. Яков может и месяц стоять на склонах, а я уже успела увидеть разочарование на лицах слуг. Они же не только для детей все это делали, им самим это было в радость. Мы все были когда-то детьми.

То, что должно было стать для детей сюрпризом, рушилось на глазах.

— Берите сани и привозите детей, — отдала приказ я. — Мы не позволим испортить наш праздник какому-то Якову.

— Но... — начал Арчи, но Ханна пихнула его локтем в бок.

— Если не распогодится, мы перенесем все в замок. Конечно, придется обойтись без трюков с лошадьми, но я придумаю другие развлечения.

Все отправились по своим делам, а я решительно схватилась за накидку.

— Куда вы, госпожа Альви? — поинтересовалась камеристка.

— Скоро вернусь, — ответила я, а сама проворчала себе под нос: — Пойду потолкую с одним туманом.

Естественно, как любой нормальный здравомыслящий человек, я не собиралась разговаривать с Яковом. Я понимала, что это природное явление, мельчайшие частички воды, разговаривать с которыми бесполезно. Но еще я прекрасно помнила, как сила внутри меня остановила шторм посреди моря. Грубо говоря, она остановила, укротила водную стихию. Не знаю как, но я собиралась повторить этот трюк.

Я пришла на холм, на площадку, которая была полностью готова к празднику, и всмотрелась в темноту. Яркие флажки таяли, словно в густом киселе, и исчезали из поля зрения через несколько метров. Горка выглядела так, словно ты катился в темноту. Тогда я по-настоящему разозлилась.

— Этим детям очень нужен праздник! — крикнула я. — Так что тебе стоит спрятаться до завтра?

Ничего не сработало: туман не собирался меня слушаться и уходить. Тогда я сложила ладони на груди и от всего сердца пожелала, чтобы наш праздник удался, где бы он не происходил: снаружи замка или внутри. И удивительная вещь, от меня вдруг отделилась крохотная искорка и упорхнула в густую пелену. Я ахнула и заморгала, не уверенная, что мне это не померещилось.

Впрочем, в следующий миг я во все глаза смотрела на проявляющиеся, как на старой фото пленке, горы и лес. Яков отступал, отползал в свою нору, как недовольное чудовище. Неохотно, но необратимо. Небо светлело с каждой минутой, сильнее и сильнее, пока сквозь облака не пробились сначала голубые островки, а следом на землю полились золотые солнечные лучи. словно по-волшебству мрачная пасмурность сменилась ярким морозным днем.

К тому моменту, как приехали последние сани с ребятами из приюта, Яков полностью покинул долину.

5

— Что вы сделали, госпожа Альви? — Ханна подкралась со спины, когда я следила за тем, как малыши и дети постарше осторожно осматриваются на площадке. Было заметно, что они совершенно не привыкли к таким праздникам, особенно спонтанным, просто так. Тем более эксклюзивным, только для них.

— С чего ты взяла, что я что-то сделала? — Я, наверное, сейчас напоминала тех самых ребят: не могла поверить собственной удаче.

— Вы Искра императора, — напомнила камеристка, — и я никогда не видела, чтобы Яков исчез за какие-то пару часов. Это магия!

— Я просто пожелала, чтобы все у нас получилось, как задумывалось. Никакой магии!

Почему-то не хотелось признаваться в случившемся даже Ханне. Может, потому что я сама до конца не разобралась в том, чем обладаю. Какой силой владею. Не будь этой искорки, я бы решила, что это совпадение, но искорка была. Искра. Не просто так же возникло это имя.

На мои слова Ханна тут же спрятала взгляд, присела передо мной и убежала помогать воспитателям. Обиделась, но нам всем сейчас было не до этого. Особенно мне, потому что я взяла на себя роль не только организатора, а тамады.

Если сначала ребята робели, они, кажется, вообще не верили собственному счастью — в детских глазах читалось ожидание, что сейчас все это просто заберут, то потом они попробовали фирменный безалкогольный пунш по рецепту бабушки Арчи, посмотрели и погладили лошадей и незаметно рассредоточились по двору. Тогда я пригласила всех участвовать в эстафете — аналоге веселых стартов. Не видела еще ребенка, который бы устоял перед возможностью выиграть приз, приютские ребята не стали исключением. Пит бежал впереди всех, а я на время превратилась в спортивного комментатора.

Когда солнышко ярко засветило над замком, победители забрали свои подарки, проигравшие получили утешительные пряники, все переместились к манежу, чтобы посмотреть на представление кучеров, а горячим пуншем уже отпаивалась я. Дальше был обед, а после катания с горок щеки детей порозовели от мороза, но глаза их светились счастьем, а во дворе постоянно звучал заразительный детский смех. Я заметила, что одна из вызвавшихся помогать нам девушек-служанок украдкой смахивает слезы. Я сама чуть не прослезилась, когда присела на одну из выставленных скамеек и посмотрела на дело рук своих со стороны.

Замок дракона больше не напоминал унылую грудку камней. Он ожил, наполнился смехом и детскими визгами. Даже слуги улыбались, а не изображали истуканов, некоторые даже скатились с горки на санях. Такой замок больше напоминал оживленный отель на горнолыжном курорте, чем тоскливую дыру...

Мне в голову словно снежком прилетело. Не по-настоящему — даже Беркинсон не решился бы бросить снегом в Искру императора, а метафорически.

Вот оно!

Отель. Курорт.

Замок огромный, в нем множество комнат, в которых можно принимать гостей самой разной знатности. А главное — развлекать! Хотите, читайте книгу возле красивого камина, хотите катайтесь на санях. Можно прогуляться в живописную верхнюю деревню и купить сувениры. С сувенирами в Лавуале вообще проблем не было. У Ханны сестра по приюту создает шерстяные вещи, в деревнях есть мастера по дереву и по металлу, Виола рисует. Если что, наделаем футболок с Яковом! Вышьем клубы дыма с глазами — и нате вам туманчик!

Чем больше я об этом думала, тем сильнее зажигалась. Не знаю, дело было в искре или во мне самой, но я готова была начать претворять свою идею в жизнь прямо сейчас. И на лошадях будем катать, и на закатах на гору возить, и напитки фирменные придумаем...

Пришлось спускаться с горы собственных мечтаний. Я взглядом споткнулась о дворецкого, который топтался возле парадного входа и недовольно поджимал губы. Беркинсону все происходящее не нравилось, и, конечно, даже его жадная до наживы натура не позволит мне развивать курорт в Лавуале. А без инвестиций... Без *серьезных* инвестиций мне нормальный курорт не создать.

Да, инвестиции Лавуалу нужны, а мне нужен инвестор. И, кажется, один на примете у меня уже есть! Адмирал Вальден сказал позвать его с помощью артефакта, если понадобится помощь. Сейчас она мне просто необходима!

Праздник удался на славу, дети вернулись в приют счастливыми, а я отправилась спать пораньше, чтобы рано утром поехать в нижнюю деревню. Официально, для Беркинсона, к доктору за закончившимся лекарством. По определенным дням он принимал пациентов внизу, и мог принять и меня. Неофициально... Как раз на встречу с инвестором. С одним маленьким нюансом — я сама не знала, получится ли у меня с ним связаться.

Нижняя деревня была не менее живописной, чем верхняя, и со своим колоритом. Здесь жило больше людей, было больше лавочек и мастерских. В этот раз я смотрела на все это глазами деловой женщины, замечала детали.

Первым пунктом назначения стал причал. Я попросила Ханну и Арчи подождать возле саней, а сама отправилась к морю. Вот где пригодилась моя шерстяная накидка: ветер был здесь такой, что пробирался даже под нее. Я уже знала, что в это время года море особенно беспокойно, и большие волны то и дело накатывали на причал, ударяясь о камни. Яков сегодня не показывался, но по небу то и дело плавали гонимые ветром облака.

Я подошла почти к краю, рискуя попасть под водные брызги неистовых волн, и достала из кармана кругляшок со снежинкой.

«Если вдруг так случится, что вам понадобится помощь, просто бросьте его в воду», — слова адмирала Вальдена вспыхнули в моей памяти.

Сейчас мне нужна была помощь как никогда: от этого зависит и моя судьба, и судьба детей, и благополучие всего Лавуала, поэтому я размахнулась и, насколько хватило сил, зашвырнула артефакт в море. Он успел сверкнуть в солнечных лучах, прежде чем его поглотили волны.

Я потеряла озябшие ладони, бросила взгляд на водную гладь, расстилающуюся до горизонта и дальше, и отправилась по своим делам. Корабль адмирала показался мне более быстrophодным, и я надеялась, что он приплывет как можно скорее.

Доктор измерял мою магию дважды, все не мог поверить своим глазам и даже спросил, что я делаю. Пришлось признаться:

— Бегаю, приседаю. Теперь у меня есть шансы, доктор Вайт?

— Шансы есть всегда, — ответил он, — но вам удалось их увеличить. Все равно продолжайте пить мои зелья!

После я заглянула в парочку мастерских и к названной сестре Ханны. Высокая, светло-волосая и удивительно аристократичная девушка произвела на меня огромное впечатление. Выслушав мою идею, Урсула без раздумий согласилась: создаст узор любой сложности, какой попрошу. Оказалось, что новости об устроенном мной празднике долетели и сюда, поэтому встретила девушка меня сердечно и даже подарила шерстяные чулки. Я уже привыкла к тому, что ее шерсть тонкая, но эта почти просвечивала, но согревала волшебю.

На все про все у меня ушло не больше двух часов, и пришло время возвращаться. Мы с Ханной как раз выходили из лавки Урсулы, как вдруг услышали крики.

— Дракон! — прокричал какой-то мальчишка и указал пальцем в сторону причала.

Я оглянулась и увидела, что из морских недр поднимается красивый, с гибким телом, огромный водный ящер.

6

Все находящиеся на площади перед причалом застыли, и я не стала исключением. Солнце, готовящееся к закату, словно впиталось в его искрящуюся ярко-синюю чешую. В полыхающие пламенем глаза, которые, казалось, могли осветить всю эту площадь и деревню после заката.

— Ох! — тихонько вздохнула Ханна, когда дракон заискрился сильнее, контуры могучего зверя начали размываться в потоках магии, и спустя несколько мгновений на берег шагнул не кто иной, как адмирал Вальден. Собственной персоной.

Не то чтобы я была поражена... хотя да, признаюсь, я была поражена. Во-первых, я ждала его как минимум через неделю. Во-вторых, это было действительно красиво. И сам водный дракон, и его превращение. Да и адмирал, честно признаюсь, был недурен. В моем мире такие водились исключительно в кино.

Под многозначительное молчание совершенно ошавевшей толпы адмирал приблизился ко мне и, подхватив мою руку, коснулся губами кончиков пальцев. После чего произнес:

— Рад видеть вас в добром здравии, леди Эрхольд.

«Леди Эрхольд» немного подвисла. Честно говоря, я себе не так все это представляла, я думала, приплывет корабль, я об этом узнаю, мы с ним пообщаемся тет-а-тет, договоримся обо всем, и корабль уплывет. А тут приплыл дракон, то есть сам адмирал, целует мне руку и сообщает, что рад меня видеть. Завтра об этом будет знать весь нижний Лавуаль, послезавтра — весь верхний. Я уж не говорю о том, что у меня бизнес-план не готов! Я-то думала, у меня есть неделя, а теперь... кто же общается с инвесторами без бизнес-плана?!

— Взаимно рада, — ответила я и по вздоху Ханны поняла, что это был не самый лучший ответ. А вот адмиралу понравился: зрачки дракона в огненных глазах вытянулись.

— Что-то случилось?

Да. Мне курорт нужен.

И ваше золото.

— Я хотела кое-что с вами обсудить. Наедине.

Ханна снова охнула и прижала ладони к щекам. Похоже, этот ответ был еще более неверным, но у меня кончились варианты.

— С удовольствием, — ответил адмирал.

И по его лицу было совершенно непонятно, то ли дракон действительно с удовольствием со мной что-нибудь обсудит, то ли он неправильно меня понял. Потому что огня в драконьих глазах стало больше, и еще больше в них стало искреннего интереса. Гораздо больше, чем когда мы на корабле говорили про артефакты и искры.

— В таком случае предлагаю подняться со мной в замок, — я кивнула на ожидающий нас экипаж.

— Госпожа! — Ханна ущипнула меня на локоть. — Можно вас на пару слов?

Она быстренько, не дожидаясь моего согласия, отвела меня в сторону. Вокруг адмирала уже собралась детвора, взрослые поглядывали издали, и я отметила, с какой легкостью он общается с простыми людьми. Представить себе императора, показывающего искрящийся над ладонью водный вихрь верещащим от восторга мальчишкам и девочкам, я точно не могла.

— Госпожа! — сердито рыкнула Ханна. — Вы меня совсем не слушаете!

— Я же просила звать меня по имени, — оторвавшись от созерцания адмирала, я вернулась в реальность. — Альви. Никаких госпож, когда рядом нет Беркинсона, Жульены или их прихвостней.

— Хорошо, Альви, нам нельзя везти его в замок!

— Почему?

— Потому что это замок вашего супруга!

— А супруг там есть? Или планирует появиться в ближайшие дни?

— Да, но...

— Адмирал Вальден — аристократ, военный очень высокого ранга, дракон. Ты же не думаешь, что я могу поселить его на постоялом дворе? Тем более что он прибыл по моей личной просьбе. Я планирую привлечь его к развитию Лавуаля, что поможет развитию провинции в целом, обеспечит замку и мне возможность не зависеть от ара Эрхольда, когда он вытащит свою искру и выбросит меня за ненадобностью. И, разумеется, я смогу вложить часть этих средств в приют, чтобы помочь директрисе и детям, и, возможно, привлечь новых воспитателей на достойную оплату их труда.

— Ох, — снова вздохнула Ханна.

— Твоя помощь мне тоже потребуется. Надо будет... — Я закусила губу. — Что-то сделать с Беркинсоном.

Вопрос только в том, что. Я не подготовила не только бизнес-план, но и план по размещению адмирала в замке венценосного супруга. Если бы прибыл целый корабль, можно было бы сказать, что Вальден здесь по особому поручению. А так...

Ладно, будем импровизировать.

— Помогу чем смогу, — горячо сказала камеристка.

— Вот и отлично.

Когда мы спускались с гор, в экипаже я сидела напротив Ханны и Арчи, но теперь Ханна переместилась ко мне, а адмирал устроился рядом с мужчиной. Причем совершенно спокойно. Случись моему муженьку оказаться в такой ситуации, сразу же представлялся лютейший грозный рык или падающие замертво под монаршим убийственным взглядом те, кто посмели ему такое предложить.

В лице адмирала я получила совершенно спокойного расслабленного дракона. Правда, все остальные чувствовали неловкость: Арчибальд сидел, будто проглотил палку, Ханна постоянно поглядывала в окно, а я понимала, что если бы адмирал оказался рядом со мной, неловкости было бы гораздо меньше.

Потому что взгляд адмирала то и дело задерживался на мне, и от этого кожу словно начинало покалывать огненными иголочками. Становилось не по себе, и, хотя я привыкла общаться с СЕО и руководителями самых разных уровней, почему-то здесь впервые чувствовала себя не в своей тарелке. Возможно, потому что их интересовали по большей части мои навыки организатора, а не я сама. Или потому, что они не были драконами?

Как только мы прибыли, я пустила Ханну на амбразуру: в смысле, общаться с Беркинсоном, выражение лица которого однозначно стоило запечатлеть для потомков. У него натурально отвисла челюсть, просто упала вниз, когда он увидел адмирала-дракона другого государства рядом со мной.

— Мы можем поговорить в кабинете, — предложила я, пока Беркинсон хватал воздух ртом. Главное, чтобы его удар не хватил, а то мало ли.

Стоило нам с адмиралом оказаться наедине, я произнесла:

— Прошу прощения, что я вас столь резко выдернула... откуда бы ни было. Я не думала, что вы прибудете так скоро.

Вальден продолжал смотреть на меня, словно ожидая, что я скажу дальше. И это его спокойствие, признаться честно, нервировало ничуть не меньше, чем подавляющая властность моего супруга.

— Я думала, что вы прибудете через неделю минимум, или и того больше, — призналась я. — Хотела подготовить для вас предложение...

— Предложение? — Дракон сделал шаг вперед, и я, опрометчиво не успевшая сесть за супружеский стол, оказалась зажатой между столом и адмиралом. — Я сразу понял, что вы необычная женщина, леди Эрхольд. И ваше предложение приму с удовольствием.

Прежде чем я успела хотя бы вздохнуть, адмирал рывком притянул меня к себе и впился жестким поцелуем в губы.

7

Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.